

Симона
Вилар

Коронатор

СЕМЕЙНОГО
УДОБСТВА

Анна Невиль

Симона Вилар
Коронатор

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2011

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Вилар С.

Коронатор / С. Вилар — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011 — (Анна Невиль)

Час торжества Уорвика по прозвищу Коронатор пробил. Выдав младшую дочь Анну Невиль за принца Эдуарда Уэльского, он открыл ей дорогу к трону. Но план оказался построен на песке. У Ланкастеров не хватит твердости, чтобы удержать власть. А страна уже ропщет, раздираемая междоусобицей, грабежами, нищетой и тайными сговорами... Но Анна примчалась в Лондон, оставив за морем супруга и надежду родить наследника, не для того, чтобы принять власть из слабеющих рук короля. В ее душе одно желание — еще хоть раз оказаться в объятиях храброго Филипа Майсгрейва, рыцаря Белой Розы, своего врага. Только предают всегда те, кого считал другом... И теперь лишь богу известно, как сложатся их судьбы, ведь войска Йорков уже близко, а значит, снова война... Книга также выходила под названиями «Делатель королей» и «Любовь изгнанницы».

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

© Вилар С., 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

Содержание

Пролог	6
1. Похмелье	17
2. Отец и дочь	26
3. Трудное письмо	39
4. Секреты Деборы Шенли	47
5. Сестры	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Симона Вилар Коронатор

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Гавриленко Н., 2005, 2011, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2011, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

* * *

Пролог

Медведь идет

Война Алой и Белой Розы, полная династических распрей, предательств и убийств, привела к разорению Англии и к уничтожению старых аристократических родов. Она шла с переменным успехом, и то одни, то другие феодалы брали верх. В этой смене династий долго решающую роль играл человек, оставшийся в истории под дерзким и громким именем Делателя Королей. Это был Ричард Невиль, граф Уорвик.

Представитель древнего и славного рода, он поначалу принял сторону Белой Розы – Йорков, ибо его связывали с ними не только личные симпатии, но и родственные узы. Его молодая тетушка Сесилия Невиль была супругой Ричарда Йорка, главы этой партии и близкого друга самого Уорвика. Его старшая дочь Изабелла стала женой второго сына Йорка и Сесилии, а младшая, Анна, еще ребенком была помолвлена со старшим сыном и наследником Ричарда – Эдуардом.

Благородный и щедрый человек, мудрый политик и талантливый полководец, граф Уорвик был популярен в Англии, пожалуй, не менее рвущихся к власти Йорков. Будучи лордом-адмиралом, он сумел уберечь страну от набегов французских пиратов. Его щедрость вошла в поговорку, он умел говорить с простыми людьми, и те верили ему. Но Уорвик был человеком своего жестокого времени. Это ему принадлежал призыв убивать лордов и рыцарей, повинных в войне Роз, но щадить простых воинов. С его попустительства началась кровавая резня знати в Англии, его имя проклинали в замках сторонников Алой Розы, но народ любил и почитал его и не был настроен против Медведя¹ Невилля, зная его широту и снисходительность. «Кровавый Уорвик», – говорили о нем ланкастерцы, «милостивый Невиль» – звали его йоркисты.

Когда в битве под Уэйкфилдом погиб его друг Ричард Йоркский, глава партии Белой Розы, Уорвик сделал все, чтобы привести к власти его старшего сына Эдуарда. Ланкастерцы были разбиты, их король Генрих VI стал узником Тауэра, а его супруга Маргарита Анжуйская бежала с сыном сначала в Шотландию, а потом во Францию, где надеялась найти помощь и сочувствие. Но, увы, это ей не удалось. Король Людовик XI Французский симпатизировал Уорвику и предпочел занять его сторону, желая видеть Англию своей союзницей. Поэтому, приняв беглую королеву и назначив ей содержание, он не спешил оказывать ей помощь.

Однако пути Господни неисповедимы, и кто бы мог подумать, что настанет время, когда изгоем окажется сам Делатель Королей?

Уорвик стоял за партию Йорков и возвел на трон Йорка. Разумеется, его честолюбие было удовлетворено, ведь его младшая дочь была помолвлена с Эдуардом еще ребенком и со временем должна была стать королевой. Фактическим же правителем при молодом государе стал сам Уорвик. А Эдуард, этот благодушный и красивый юноша, больше всего на свете любивший женщин и развлечения, со всем пылом юности предавался страстям. Никто не ожидал, что этот веселый гуляка-монарх захочет избавиться от опеки своего названного отца Уорвика.

В Эдуарде проснулся властитель, он все тяжелее переносил опеку коронатора Уорвика, выходил из повиновения. Уорвику поначалу удавалось умирять его. В стране было неспокойно, и навести порядок, казалось, мог только он. Эдуарду приходилось вновь и вновь смиряться, пока... он не влюбился.

¹ В гербе графа Уорвика был изображен медведь.

Его избранница, прекрасная молодая вдова Элизабет Грей, покорила его настолько, что он тайно обвенчался с ней. И когда Уорвик узнал об этом, узнал, что его дочь отвергли ради низкородной особы, он восстал против короля. Это обернулось для него изгнанием. Великий Делатель Королей вынужден был бежать во Францию, а его дочь осталась жить в глуши, в одном из отдаленных монастырей.

Именно тогда Уорвик, желая отомстить тому, кого он возвел на трон, решился на невозможное. Забыв кровавые распри и предательства, он заключил союз со своим давним врагом – Маргаритой Анжуйской. Французский король Людовик был в восторге. Его не устраивала самостоятельная политика молодого Эдуарда Английского, который всячески выражал расположение к злейшему врагу Франции – герцогу Бургундии Карлу Смелому, и даже породнился с ним, выдав за него свою младшую сестру Маргарет. В союзе же королевы Алой Розы и Делателя Королей Людовик видел реальную угрозу для Эдуарда IV и готов был на все, чтобы объединить их против Англии, где тем временем Уорвик был провозглашен изменником и первым врагом королевства.

В Англии ждали вторжения. Король Эдуард все еще опасался грозного Делателя Королей. Личность Уорвика подавляла его, он терялся, впадал в панику, чувствуя свою обреченность. «Против Медведя нельзя устоять», – твердил он и вместо того, чтобы усиливать оборону страны и усмирять приверженцев Алой Розы, предавался увеселениям. Особенно он пал духом, когда его брат Джордж Кларенс открыто перешел на сторону своего тестя Уорвика.

Король пребывал в отчаянии. Англия же, раздираемая смутами, ждала Уорвика. Люди не забыли о годах относительного благополучия, когда он правил при молодом монархе, и все чаще связывали свои надежды на лучшую жизнь с Ричардом Невилем. Королевство замерло в ожидании высадки. Именно в это время младший брат короля Ричард Глостер нашептал Эдуарду, как наконец остановить Медведя.

Все знали, что Уорвик боготворит свою младшую дочь Анну. И Глостер посоветовал королю сделать ее заложницей и припугнуть Делателя Королей расправой над ней, дабы тот смирился. Если же Уорвик явится к Эдуарду с повинной, ему и Анне окажут всяческие почести, а юная девушка станет женой герцога Глостера.

Какие планы вынашивал брат короля, никто не знал. Он был загадочен и непостижим, этот калека с лицом павшего ангела, глазами цвета ночи и изувеченным телом. Его боялись и не понимали, хотя все, что он делал, казалось, шло лишь на благо королевству. И Эдуард согласился. Страшное письмо, составленное вопреки всем канонам рыцарской чести, было отправлено Уорвику во Францию. Если бы его содержание стало известно в Англии, ни один рыцарь, носящий цепь и шпоры, не поднял бы свой меч в защиту короля, опустившегося до шантажа. Письмо поручили доставить тайному гонцу, рыцарю Филипу Майсгрейву, считавшемуся лучшим воином Англии. Человек чести, верный вассал своего государя, он не ведал, что за послание везет.

Однако судьба распорядилась по-своему. Никто не мог предположить, что Анна Невиль, эта своенравная и дерзкая дочь Уорвика, разрушит все планы Эдуарда Йорка и его горбатого брата и, переодевшись мальчишкой, покинет свое узилище. Более того, волею случая ее спутником стал именно тот человек, кого король избрал своим тайным гонцом, и в Париж к Уорвику они прибыли почти одновременно.

Узнав об этом, Эдуард Йорк на глазах у придворных потерял сознание. Когда же его после продолжительного обморока наконец привели в чувство, король велел всем убираться вон и надолго заперся в своей молельне в Вестминстерском аббатстве. Он не желал никого видеть. Он отказывался принимать жену, гнал от себя приближенных, выдворял советников и парламентаров. На его рабочем столе скопилось груда писем и грамот, и даже послания союзного герцога Бургундского Эдуард отшвыривал прочь.

Когда королю сообщали о прибытии гонца, он вздрагивал:

– Что?.. В стране мятеж? Уорвик высадился в Англии? Идут за мной?

И лишь однажды за все время он вышел из транса. Это случилось, когда с севера пришел его брат, Ричард Глостер, и принялся уговаривать Эдуарда взять себя в руки. Он рассказал, что направил всем европейским дворам послания с уведомлением о том, что мятежный вассал Уорвик распространяет слухи, порочащие честь Эдуарда Йорка, которые на самом деле являются чистой ложью и клеветой. Сам Ричард в дни полнейшей апатии короля повел себя как истинный государственный муж. Он навел порядок на англо-шотландской границе, заложив свои драгоценности, расплатился с наемниками, усилил береговую охрану. Казалось бы, Эдуард должен молить Бога, пославшего ему такого брата, но тот со все большей ненавистью смотрел на этого хромого, горбатого калеку с ниспадающими вдоль щек волосами цвета воронова крыла. Когда же Ричард попросил его подписать какие-то петиции, король неожиданно пришел в ярость и, схватив герцога за ворот, вышвырнул его вон, дав ему такого пинка, что Ричард лишь чудом не расшибся, скатившись с лестницы.

– Вон! – ревел вдогонку ему Эдуард. – Сгинь с моих очей, мерзкий паук с душой сатаны! И благодари Бога и Его Пречистую Матерь, что я не приказал бросить тебя в один из каменных мешков Тауэра!

Впрочем, все изменилось, едва только в Лондон вернулся тайный посол Эдуарда к Уорвику. Когда королю сообщили, что сэр Филип Майсгрейв ожидает его распоряжений в приемной, Эдуард, словно не расслышав, несколько раз переспросил и наконец, изменившись в лице, велел впустить к себе рыцаря.

О чем они говорили, никто не ведал. Утомленные придворные толпились в длинном полутемном зале с высокими готическими окнами. Под сводами в чашах светильников, подвешенных на цепях, металось пламя. Часы на башне Вестминстера гулко пробили семь раз. Король беседовал с Майсгрейвом уже более пяти часов.

В зал вступила королева Элизабет, окруженная многочисленной родней, которую Эдуард возвысил в противовес древним родам Бофоров, Невилей, Стаффордов и прочих, косо поглядывавших на нового короля. По залу волной прокатился шепот. Еще не забылись слухи о том, что до своего брака с королем Элизабет Грей была невестой рыцаря Майсгрейва, воина с англо-шотландской границы. И действительно, королева взволнованно глядела на узкую двустворчатую дверь, за которой так надолго уединились ее муж и бывший возлюбленный. Элизабет была на пятом месяце, но носила свое бремя на удивление легко, и положение королевы почти не отразилось на ее прекрасном облике.

Наконец дверь открылась и вышел король. Его поступь была легка. Придворные невольно переглянулись. Давно уже они не видели своего монарха столь просветленным. Эдуард же, взяв за руку шедшего рядом с ним Майсгрейва, произнес во всеуслышание:

– Милорды и миледи, я хочу представить вам нового барона Англии сэра Филипа Майсгрейва, моего преданного вассала и друга. Тот, кто выше людей, наделил его благородством и способностью быть честным перед своим монархом. Все, что я могу сделать для него, это воздать ему надлежащие почести, наградить титулом и одарить земельными угодьями.

Глаза короля светились, и казалось, он был не в силах выпустить руку новоявленного нортумберлендского барона.

У королевы дрогнули брови. Ведь после того как Майсгрейва вместе с Анной Невиль разыскивали по всей Англии и за его голову была назначена награда, она полагала, что возвращаться ко двору Эдуарда IV было бы для Филипа чистой безумием, и ждала, что наименьшим наказанием для ее прежнего возлюбленного будет плаха. Вышло же по-иному...

Что же произошло между королем Англии и Филипом Майсгрейвом? Этого никто так и не узнал. Лишь истопник, разжигавший поутру камин в королевском покое, обратил внимание на клочки обгоревшей дорогой бумаги. Он подтолкнул их кочергой в разгоравшееся

пламя, и от письма, способного погубить целую династию и изменить судьбы Европы, не осталось и следа.

Эдуард Йорк словно воскрес к новой жизни. Оживленный, деятельный, подтянутый, он по-новому взглянул на свое положение, велел собрать войска и быть готовым ко всему. Ведь если честь Эдуарда Английского и была спасена, то еще оставалась угроза вторжения. И исходила угроза все от того же Медведя, Делателя Королей Уорвика.

Однако, к удивлению сторонников Эдуарда, он приблизил к себе братьев Уорвика – епископа Йоркского Джорджа Невилля и Джона, маркиза Монтегю. Первому он торжественно вручил печать казначейства. Что же касается второго, то король решил породниться с ним, обручив его сына со своей дочерью, маленькой принцессой Элизабет. Таким образом, единственный отпрыск рода Невиллей мужского пола становился претендентом на английский престол.

Такое явное возвеличивание ближайших родственников врага вызвало недоумение. Придворные лишь многозначительно переглядывались, когда слышали речи короля о том, что ни на кого он не может так положиться, как на славных Невиллей. Даже друзья и сподвижники молодого короля – Гастингс, Ховард и родня королевы Вудвилли, были ныне обойдены вниманием монарха, не говоря уже о его младшем брате Ричарде Глостере, который после гневной вспышки Эдуарда безвыездно пребывал на севере Англии.

Королева Элизабет никогда ни о чем не расспрашивала своего венценосного супруга. Она была достаточно проницательна и знала, что, когда придет время, он сам заговорит с ней. Так и случилось.

Однажды вечером, когда королева расчесывала перед зеркалом свои чудесные золотистые волосы, а Эдуард, сидя за столом, просматривал бумаги, она услышала, как он насмешливо фыркнул:

– Клянусь Всевышним, наш дражайший родич Карл Смелый ни в чем не знает меры. Он так волнуется, что Уорвик, вернувшись в Англию, заберет у меня трон, словно дело касается его лично.

Королева мягко заметила:

– Нэд², но ведь дело и в самом деле касается его. Йорки его сторонники, однако, если воцарятся Ланкастеры, они сразу проявят свою лояльность к его врагу Людовику. Тем более что именно Луи субсидирует их подготовку к интервенции.

– Ерунда все это, – отмахнулся король.

Элизабет повернулась к мужу, но не произнесла ни слова.

– Да-да, моя прекрасная королева, – смеясь, продолжал Эдуард. – Уорвик, человек, которого я раньше звал отцом, который учил меня владеть мечом и поджигать фитиль у ручной кулеврины, человек, который возвел меня на престол, хочет он того или нет, по-прежнему любит меня. Поверь, Бетт, еще недавно Уорвик имел в своих руках средство, позволяющее ему разделаться со мной, не пересекая Английского канала, но он не сделал этого. В глубине души Уорвик все еще любит меня, а этот его союз с волчицей Маргаритой... Гм. Думаю, это только для моей острастки. Зла же мне он не причинит.

Элизабет положила гребень на инкрустированный перламутром столик.

– Тебе об этом сообщил Майсгрейв?

Эдуард, улыбаясь, глядел на пламя свечи.

– Что? Нет-нет. Но он рассказал о своей встрече с Делателем Королей, и из его слов я понял, что старый Медведь, не имеющий сыновей, никогда не сделает худого мне, своему названому сыну.

В его голосе была уверенность, но королева отнюдь не разделяла оптимизма мужа.

² Нэд – уменьшительное от Эдуард.

– Конечно, вам виднее, мой повелитель. Однако как вы смотрите на то, что он выдал свою любимицу Анну за юного Ланкастера?

Эдуард пожал плечами:

– Думаю, он поддался минутной прихоти. Ведь я, как никто другой, знаю, насколько непостоянен старый Невиль в своих причудах. Нет, он не найдет себе места среди Ланкастеров. Подумай, Бетт, ведь он первым в Англии призвал к уничтожению их знати. Он погубил двух Сомерсетов, Уилтшира, Клиффордов и множество других. А разве отец Уорвика не казнен по приказу его нынешней сподвижницы Маргариты Анжуйской? Нет, злится он на меня или нет, но в конце концов Уорвик вернется под знамена Белой Розы. К тому же я благоволю к его родне, а его самого всегда ждет здесь теплый прием. Словом...

Эдуард мечтательно улыбнулся и, развернув свиток дорогой голландской бумаги, размашисто начертил:

«Наш дражайший брат Карл!

Мы, Божией милостью король Англии и Уэльса, властитель Ирландии, искренне признательны тебе за заботу о нас. Однако заверяю тебя, что в случае высадки здесь небольшого числа интервентов во главе с небезызвестным Делателем Королей мы в состоянии достойно встретить его и готовы пойти с оным графом на соглашение ради блага Англии и процветания достославного дома Йорков...»

Все, однако, вышло не так. Пока король беспечно ждал добрых вестей от «названного отца», Уорвик готовил условия для высадки своих войск в Англии. Его люди проникали в графства, недовольные политикой короля, подбивая феодалов к восстанию, а сам он вербовал и обучал в это время на континенте наемников, вел переговоры с Людовиком Французским о льготах, которые он, Ричард Невиль, предоставит Франции в отношениях с Англией, и о совместном выступлении против общего врага – Карла Бургундского.

Когда все было готово, северные феодалы по приказу Уорвика подняли мятеж. Король, слышавший удачливым полководцем, решил, что легко разделается с восставшими, и под звуки фанфар и колыхание знамен двинулся в Йоркшир, откуда поступали тревожные вести. Однако при его приближении восставшие, не принимая боя, стали отступать к границе, увлекая войска короля все дальше на север, и Эдуард неожиданно понял, что все это тщательно спланированный маневр и целью восстания было выманить его из столицы.

Король велел прекратить преследование, решив на следующий же день спешно возвратиться в Лондон. Но Эдуард еще не знал, что то, чему он не желал верить, уже свершилось.

В густом тумане, из-за которого береговая охрана не заметила приближения флота Делателя Королей, его войска 11 сентября высадились в Портсмунде и Плимуте. Людовик Французский предоставил ему множество судов, золото и наемников. С Уорвиком были и лорды-ланкастерцы, и, самое главное, к нему примкнул один из Йорков – герцог Кларенс, его зять. Королевы Маргариты и ее сына, принца Уэльского, не было с Делателем Королей, однако их прибытие ожидалось, как только граф разделается с узурпатором Эдуардом.

Едва Уорвик высадился в Англии, к нему стали собираться сторонники. Графства Кент, Девон, Сомерсетшир восстали, объявив, что не подчиняются более Эдуарду Йорку, а желают иметь королем Ланкастера. Отовсюду к Делателю Королей стекались войска, люди призывали к груди алую розу и расправлялись с чиновниками Йорков. Вдоль дороги, ведущей к Лондону, стояли толпы людей, криками приветствовавшие Уорвика, а за ними маячили силуэты виселиц, на которых раскачивались тела йоркистов.

Когда основные силы Уорвика приближались к столице, городские советники попытались организовать отпор, но их действия, лишённые четкого плана, оказались парализованными мятежом, поднятым агентами Уорвика. Толпы горожан и оборванцев запрудили улицы

столицы, ввязывались в стычки с солдатами Эдуарда, поджигали дома йоркистов, а заодно разделялись и с ненавистными фламандцами. По улицам потекла кровь. Городские нищие занялись грабежом, и в час полнейшей неразберихи Уорвик во главе войска вступил в город. Его восторженно приветствовали, но граф, видя, в каком состоянии столица, тут же вместе с городским ополчением занялся подавлением мятежа.

И как только с балок домов и деревьев сняли тела повешенных и потушили пожары, в Лондоне начался праздник. Уорвик остался верен себе, и его щедрость не знала границ. На улицах жарили бычьи туши, откупоривали бочонки с превосходным вином, гремела музыка, а сам граф поспешил в Тауэр, чтобы освободить Генриха VI Ланкастера.

Короля-узника встретили восторженным «ура». Память толпы коротка, и все уже забыли о том, что именно при попустительстве этого слабодушного правителя страну грабили жадные временщики, что именно при нем вспыхнула война Алой и Белой Розы, что он был душевно нездоров, а порой впадал в полное помешательство. В эти минуты Генриха Ланкастера любили и почитали так же, как и стоявшего рядом с ним Уорвика, и, когда граф при огромном стечении народа опустился перед королем на колени и во весь голос произнес вассальную присягу, толпа взорвалась радостными криками и в воздух взлетели сотни колпаков.

Никто не мог и заподозрить, что как раз в это время Уорвик отдал приказ схватить королеву Элизабет и лишь вмешательство ее младшего брата, Джона Вудвиля, спасло ее. Пока Делатель Королей праздновал свой триумф, юный Вудвиль успел тайно доставить беременную сестру с малюткой-дочерью в Вестминстерское аббатство, где она нашла убежище и получила покровительство Церкви. Благородный юноша поплатился за это жизнью; его отрубленная голова, насаженная на пику, была выставлена на Лондонском мосту как наглядное свидетельство того, что Уорвик ничего не простил Йоркам и готов расправиться с каждым из них.

На следующий день собрался парламент, который вновь провозгласил королем Генриха VI, а Эдуарда объявил узурпатором, незаконным сыном герцога Ричарда Йорка, и осудил его за то, что он в нарушение всех обычаев обвенчался с Элизабет Грей. В этом последнем пункте обвинения проявилась личная обида Уорвика, мстящего за оскорбление, нанесенное его дочери. Он объявил в парламенте, что незамедлительно отправится сражаться с узурпатором Эдуардом Йорком и не будет считать свою миссию завершенной до тех пор, пока в Англии не останется только один государь.

А что же Эдуард? О постигших его бедах он узнал лишь на подступах к Ноттингему. Новость потрясла его. В полной растерянности Эдуард оглядывал ряды своих сподвижников.

— Милорды... Видит Бог...

Он не находил слов, и самые преданные отводили взгляд. Лишь один из них смотрел Эдуарду прямо в лицо, и в его глазах читался вызов. Это были зеленые, чуть раскосые глаза младшего брата Делателя Королей.

— Лорд Монтегю... Сэр Джон! Вы принесли священную клятву... Наши дети помолвлены. Могу ли я рассчитывать на вас?

— О мой король!..

Монтегю низко склонился. Этот ответ, не означавший ничего определенного, озадачил короля, но он не стал настаивать, а лишь повторил:

— Помните же, сэр Джон! Принцесса Элизабет все еще наследница английской короны и невеста вашего сына.

Монтегю вторично поклонился.

В это время вперед выступил лорд Гастингс, ровесник и друг короля.

– Ваше величество, я думаю, нам предстоит бой с проклятым Невилем. Поэтому позвольте мне отправиться к вашему брату Глостеру за подкреплением.

Эдуард печально усмехнулся:

– И ты, Гастингс, друг мой, покидаешь меня...

– Нет. Я делаю то, что сейчас важнее всего. Я уверен, что герцог Глостер приведет с собой свежие силы и мы сможем дать бой Медведю.

Эдуард сжал пальцами виски, потом резко вскинул голову.

– Да, Гастингс, ты прав. Мы дадим Невиллю бой. Ты отправишься к Дику³ и приведешь его. Мы с ним скверно расстались, но он неглуп и сам поймет, что сейчас не время сводить счеты. Каков бы он ни был, но он не оставит меня.

Потом он обратился к брату королевы:

– Граф Риверс! Вы будете нашим послом и без промедления поедете навстречу Уорвику, дабы договориться с ним о месте и времени битвы. Передайте ему мой вызов.

И он протянул Риверсу перчатку. Тот, нерешительно шагнув вперед, принял ее. Ни для кого не было секретом, что этот брат Элизабет Вудвиль не отличался особой отвагой. Видимо, подумал об этом и Эдуард, глядя, как смущенно теребит его шурин королевскую перчатку. Но менять свое решение он не стал.

– Ну же, сэр Энтони! Я доверяю вам вести переговоры. А теперь, милорды, полагаю, нам следует стать лагерем и сделать необходимые приготовления. Что же касается меня, то я решил дать обет.

Он вскинул голову и торжественно поднял правую руку:

– Клянусь благополучием королевства и короной, что не буду знать ни отдыха, ни сна, пока либо Уорвик не падет, либо я!

– Аминь! – единым дыханием отозвались присутствующие.

Король поглядел на них. Кто-то отводил взгляд, кто-то хмурился, кто-то отрешенно размышлял о своем. Эдуард вздохнул. Кому из них он мог верить?

– Барон Майсгрейв! – обратился он к высокому воину с ниспадавшими до плеч светлыми кудрями. – Я желал бы видеть вас в эти часы рядом с собой.

Войска Эдуарда сделали остановку в небольшой деревушке на берегу затянутого ряской пруда. Стояла удивительно тихая ночь, мириады звезд смотрели вниз. Дожди прекратились, но в воздухе уже чувствовалась прохлада приближающейся осени.

Эдуард, не доверявший никому, выбрал для ночлега домик, выстроенный на сваях посередине пруда, куда вел шаткий мостик. С ним остался один только Филип Майсгрейв.

Вглядываясь в окружающий мрак и огни костров, вокруг которых грелись солдаты, король думал о непостижимости Божественного промысла, пославшего ему это испытание. Вдали затихал шум. В открытое окно вливался сырой ночной воздух. Король плотнее закрыл его, но в последнюю минуту задержал свой взгляд на стоявшем на мостике Майсгрейве. Люди непредсказуемы. Мог ли он предполагать, что человек, которого он считал своим соперником, проявит такую преданность? Мог ли он думать, что этому рыцарю, вызывавшему прежде раздражение, он станет доверять больше, чем другим приближенным? А ведь когда-то он безумно ревновал к нему Элизабет. Элизабет! Разве не счастье уже то, что она успела укрыться в аббатстве, избежав, быть может, страшной кончины. Господи, воистину нет предела твоим милостям!

Король встал на колени перед походным аналоем и опустил голову на сложенные ладони. Он молился...

Эдуард не заметил, как заснул. Усталость и тревога сделали свое дело. Данный всего час назад обет растворился в сумраке сновидений...

³ Дик – уменьшительное от Ричард.

Короля разбудил свет дня. Он вздрогнул и резко поднялся. Что-то было не так. Что? Тишина! Он не слышал привычного гомона походного лагеря!

Резко распахнув дверь, король вышел.

Филип Майсгрейв стоял на мостике спиной к нему. Он спокойно оглянулся и отступил в сторону. Эдуард замер. Лагерь был пуст. Впрочем, не совсем. Несколько человек бродили среди погасших костров и брошенных палаток. Отставшие от войска маркитантки, переговариваясь и посмеиваясь, укладывали на тележку свои пожитки. Из деревни пришли крестьяне и понуро ожидали в стороне, пока место стоянки совсем не опустеет.

– Майсгрейв! – воскликнул пораженный король. – Что это значит, Майсгрейв?

– Разве ваше величество не слышали?

Эдуард не мог признаться, что нарушил данный им обет и беспробудным сном проспал эти роковые часы. Он промолчал. Тогда Майсгрейв неторопливо заговорил:

– Первым лагерь покинул Монтегю. Он промчался во главе своего отряда с пылающим факелом в руке и кличем: «Да здравствует король Генрих!» Весь лагерь всполошился, но никто не преградил ему путь. Потом ушел Стэнли, следом Ормонд с войском...

– Замолчи! Почему ты не позвал меня? Я бы вышел к ним. Я бы заставил их вспомнить о клятве!

Смуглое лицо Майсгрейва осталось непроницаемым. Он спокойно глядел на короля.

– Если бы вы слышали, государь, их возгласы и хвалы Делателю Королей, то отказались бы от этой мысли. Мне пришлось всю ночь простоять здесь с обнаженным мечом, ибо я опасался, что кто-нибудь из них поспешит доказать свою преданность Алой Розе иным способом. – Глядя на сникшего Эдуарда, он добавил: – Вы хорошо сделали, что не вышли, государь. Не стоит забывать, что живая собака лучше мертвого льва.

– А почему остался ты?

Майсгрейв ничего не ответил, но король и не нуждался в его словах. Они стояли лицом к лицу – король и его вассал, бывшие соперники, ставшие в это утро близкими людьми. Их так и схватили вместе. Но вскоре по приказу Делателя Королей Майсгрейва отпустили, и он так и не узнал, насколько бурной была встреча Эдуарда Йорка с человеком, который сначала подарил ему, а теперь отнял у него трон. Им было о чем поговорить, и их беседа протекала столь эмоционально, что, не вмешайся брат Уорвика епископ Йоркский, павшему венценосцу не сносить бы головы. Впрочем, впоследствии граф был благодарен брату за то, что тот удержал его от варварского поступка, не дав повода для злословия его врагам. Однако оставлять Эдуарда в живых он не собирался. Поручив его епископу Невиллю, Уорвик повелел заточить незадачливого короля в замок Мидлхем.

Час торжества Уорвика пробил. Прошло всего одиннадцать дней, как он ступил на землю Англии, и вот эта страна у его ног. Враги повержены, Генриху Ланкастеру возвращен трон, и сам король на заседании парламента торжественно верил своему спасителю управление страной. Со всех сторон к Уорвику спешили сторонники, и не было в королевстве человека, который не признал бы его власти.

В Вестминстере, пока полубезумный Генрих Ланкастер вел тихое существование монарха-отшельника, Уорвик создал блестящий двор, окружив себя аристократами ланкастерцами и перешедшими на его сторону йоркистами. Своим первым помощником граф избрал Джорджа Кларенса, родного брата свергнутого узурпатора. Среди придворных тогда много толковали о странности этого союза второго Йорка и Делателя Королей. И хотя Джордж получил от тестя неслыханные привилегии, множество земельных наделов и даже – в случае бездетности Ланкастеров – право на трон, все же их близость казалась поразительной, особенно теперь, когда Ричард Невиль готовился казнить старшего из Йорков.

Не один только Кларенс стал причиной пересудов. Его матушка, вдовствующая герцогиня Сесилия Йоркская, явилась ко двору Генриха VI и приняла сторону своего племянника

Уорвика. Ко всеобщему изумлению, она объявила, что ее старший сын Эдуард не был сыном герцога Йорка и, следовательно, являясь внебрачным ребенком, не имеет никаких прав на трон Плантагенетов⁴.

Эта новость вызвала целую бурю. Говорили даже, что стареющая красавица Сесилия Невиль просто повредила в уме. Иные же утверждали, что эта надменная правнучка Эдуарда III⁵ так и не смирилась с самовольным браком сына и готова на все, чтобы отомстить непокорному. Были и такие, кто искренне верил, что Эдуард и впрямь не Йорк. Эти полагали, что признание Сесилии – знак ее запоздалого раскаяния. Но нашлись люди, кто догадывался, что, оклеветав сына, создав ему репутацию бастарда, не имеющего прав на корону, Сесилия просто спасала жизнь Эдуарду.

Словом, ситуация при дворе была запутанная. К тому же созданный Уорвиком двор сплошь состоял из недавних его врагов. Блестящие аристократы, входившие ныне в свиту Делателя Королей, были по уши в крови родственников и друзей тех, с кем теперь им приходилось любезно раскланиваться. По сути, вместе их удерживала только железная воля Уорвика. Что же касается короля, то слабодушный Генрих VI почти не появлялся на людях. Лишь изредка по настоянию Уорвика он высиживал час-другой в парламенте, вечно утомленный и рассеянный, странным взглядом окидывая своего спасителя и с готовностью соглашаясь с любым его словом. Таким образом, Уорвик вновь вернул себе прежнее положение, вновь стал правителем Англии.

Однако вскоре его постигла первая неудача. Бежал Эдуард Йорк. При попустительстве ли епископа Невиль или без его ведома, но лишившийся трона король с помощью Гастингса, графа Риверса и своего младшего брата Ричарда Глостера покинул Мидлхем, пробился к городу Линну, захватил три корабля и вышел в открытое море.

Уорвик, еще будучи в должности вице-адмирала Англии, поддерживал связи с морскими разбойниками. Едва узнав о бегстве Эдуарда, он отправил надежных людей к пиратам, которые бросились преследовать корабли беглого короля. Лишь чудом во время страшной бури Эдуарду удалось отбиться от пиратов и пристать к голландскому берегу близ городка Алкмар. Когда блистательный в прошлом король Эдуард IV высадился на чужой берег, и он сам, и его свита имели при себе лишь то, в чем успели прыгнуть на борт, так что королю пришлось расплатиться со шкипером своим плащом, подбитым куницей. Нищий, с измученной и голодной свитой в ненастный осенний день ступил он на пристань Алкмара. Он находился во владениях своего союзника и родича Карла Бургундского, но мог ли Эдуард надеяться, что надменный герцог захочет поддержать Йорков, после того как он с таким пренебрежением отнесся к советам и наставлениям Карла, проявив себя столь непредусмотрительным политиком и слабым государем?

В самой же Англии начался голод. Черда солнечных осенних дней не спасла урожай, к тому же хлеба были поражены болезнью. Стал происходить падеж скота. Гибли даже самые неприхотливые сизорунные овцы – какая-то непонятная хворь разъедала им ноги. Продолжали сказываться последствия войны: на местах не было твердой власти, началось брожение среди тайных сторонников Йорков. На дорогах разбойничали, торговля замерла, непомерно выросли цены. Люди стремились хоть чем-то набить закрома, опасаясь голода. Хуже всего приходилось беднякам. Многие из них, окончательно обнищав, подавались в леса, чтобы заниматься грабежом. Им было безразлично, кто там у власти – Ланкастер или Йорк, они проламывали дубиной череп любому, кто оказывался недостаточно силен либо проворен.

Смена власти вопреки ожиданиям не принесла мира и покоя. По-прежнему баронские кланы интриговали против центральной власти, только на сей раз прикрываясь именем Йор-

⁴ Ланкастеры и Йорки были потомками прежней королевской династии Плантагенетов.

⁵ Эдуард III (1327–1377) – один из самых известных королей Англии из династии Плантагенетов.

ков и прикалывая на шляпы белые розы. Положение усугубили сильные ранние морозы, которые с первых чисел декабря обрушились на истерзанную землю.

Именно в это время, в начале зимы, Уорвику сообщили, что в Вестминстерском аббатстве королева Элизабет разрешилась от бремени крепким младенцем мужского пола. Уорвик помрачнел. Хотя он и сделал все возможное, чтобы развенчать Эдуарда и доказать ничтожность его притязаний на корону, все же этот младенец – новый побег на дереве Йорков – придавал вес их династическим устремлениям, суля роду продолжение. В то же время его дочь Анна все еще медлила, не спешила обрадовать отца надеждой на продление рода Ланкастеров. Наоборот, письма ее были короткими и неопределенными. Уорвик достаточно хорошо знал свою дочь, чтобы по этим письмам понять, что она несчастна. Несчастлива? Сущая ерунда. Он сделал ее принцессой, наследницей трона, ее муж – одна из лучших партий в Европе! Он хорош собой, молод, правда, звезд с неба не хватает, но ведь он Ланкастер и его ждет корона.

При мысли о Ланкастерах у Ричарда Невилля портилось настроение. Что ни говори, но даже самый захудалый из Йорков стоит всей этой царственной семейки. Тот же горбун Дик, при всем его коварстве и извращенности, был подлинным властелином, в чем Уорвик убедился, просматривая его архив и поражаясь его государственному уму и осмотрительности. Но Ланкастеры!..

Уорвик с пренебрежением размышлял о короле Генрихе. Ничтожество! Годен лишь на то, чтобы часами сидеть в оцепенении или изводить себя нескончаемыми молитвами. Народ говорит о нем – добрый король Генрих... Доброта же эта заключается лишь в слабой улыбке, в тихом голосе да в огромных милостынях, раздаваемых всякому сброду. Однажды, когда Уорвик завел с ним речь об этом, король поднял на него затуманенные серые глаза и тихо, но твердо проговорил:

– Друг мой! Я раздаю лишь те деньги, которые парламент выделил на мое содержание. Но, Господь свидетель, мне почти ничего не нужно. А эти бедняги... Милорд, в стране голод, и кто же, если не король, проявит сострадание к ним?

Уорвик промолчал. Доказывать что-либо было бесполезно. Но уж лучше бы король занимался своими итонскими школами, продолжая их строительство и давая таким образом заработок бродягам, которых голод гнал в города. А подобная щедрость идет им лишь во вред. Уорвик неоднократно видел, как к королевской руке прорывались только самые крепкие из оборванцев, отталкивая слабых и больных, а некоторые по несколько раз припадали к стопам государя, ослепленного порывом милосердия. Монеты попадали в лапы здоровенных детин, которые вполне могли бы работать каменщиками или грузчиками в порту либо вступить в армию, которую Уорвик как раз настойчиво пополнял.

Сын Генриха тоже как будто не от мира сего. Людовик Валуа выделил ему огромные суммы, чтобы он поскорее собрал войско и выступил на подмогу тестю, а он в своих письмах сообщает то о покупке соболей на шубу, то о миланских соколах для охоты, то о новой борзой. Черт бы его побрал, так он промотает все подчистую! Людовик Французский – известный скупердяй и вряд ли согласится добавить еще хоть су. Англии же именно сейчас нужна помощь! Неужели мать Эдуарда не может вправить ему мозги?

При мысли о Маргарите Анжуйской на душе у Ричарда Невилля становилось совсем скверно. Куда больше, чем голод и неурядицы в стране, его беспокоило поведение королевы Алой Розы. Разумеется, он всегда знал, что, несмотря на их политический и родственный союз, они по-прежнему остаются врагами. Не только кровавое прошлое разделяло их, не только унижения и обиды, коим не было числа. Все упиралось в то, что и Ричард Невиль, и Маргарита Анжуйская неутолимо жаждали власти и ни тот ни другая ни за какие блага в мире не уступили бы сопернику. И если прежде, когда они оба были изгоями, Уорвик наде-

ялся, что, добыв мечом власть, поднимется выше королевы, то теперь он отчетливо понимал – королева Алой Розы скорее погубит все дело, чем уступит ему хоть в малом.

– Анжуйская сука! – скрежетал зубами Уорвик всякий раз, когда в ответ на его очередной призыв поспешить в Англию получал холодное учтивое письмо, в котором Маргарита, ссылаясь на любые причины, от плохой погоды и беспокойного моря до незначительного недомогания или рождественских празднеств, всячески оттягивала свой отъезд с континента.

После каждого такого письма Уорвик буквально кипел от бешенства, и лекарям приходилось пускать ему кровь. Бессилие и ненависть граф заливал вином, да так, что бывали недели, когда его никто не видел трезвым. Уорвик тогда размякал, шутил, балагурил, зачастую отправлялся кутить в городские притоны. Событьником он обычно выбирал своего зятя Кларенса. Когда же винные пары окончательно затуманивали мозги Делателя Королей, он тыкал в грудь Джорджа пальцем, твердя:

– Ты знаешь, почему я тебя люблю? Потому что ты настоящий Йорк, как и отец твой – упокой, Господи, его душу, – и мать, и Эдуард, который был смельчаком и нравился бабам, и даже калека Ричард. У Ричарда на спине горб, а сердце чернее сажи, зато его голова – чистое золото. Да, я люблю Йорков и тоскую о них. Эх, какие дела мы могли бы с ними совершить! Однако, клянусь гербом предков, не я положил между нами меч. А Ланкастеры... Ни капли величия. Полоумный идиот, его сын – легкомысленный красавчик под каблуком у мамыши, да и сама мамаша, чертова сука, готовая из-за своей гордыни все погубить. Подумать только, меня угораздило отдать им мою девочку!

Джордж слушал его с хмельной улыбкой. Однако бывали мгновения, когда он начинал осознавать происходящее, и тогда в его мутно-зеленых глазах появлялся странный блеск. Он понимал, что его тесть несчастен, дела его идут вкривь и вкось, и все чаще приходил к выводу, что земля уходит из-под ног Делателя Королей. Уорвик был могучим союзником, однако теперь Кларенс ясно видел, что Медведю Невиллю никогда не ужиться с Ланкастерами. А что из этого следует? Новая война?

Уорвик заплетающимся языком жаловался, что скучает без Анны, а Кларенс, отводя глаза, думал о своем.

Новый год начался оттепелью и изматывающими душу дождями, какие бывают лишь в Англии. Страна оказалась наполовину парализована, а с континента все чаще доносились слухи, что Эдуард Йорк, нашедший пристанище у герцога Бургундского, готовится отвоевать у Ланкастеров трон. Уорвик отправил в Бургундию посольство, в то же время продолжая настаивать на необходимости прибытия Маргариты Анжуйской и зятя в Англию со свежими войсками. Но королева вновь и вновь находила предлоги, чтобы оставаться на континенте, лишая тем самым Уорвика подкрепления.

В это время в Англию неожиданно прибыла дочь Делателя Королей – Анна.

1. Похмелье

Небольшое, выстроенное кольцом здание было набито до отказа. Люди свешивались с верхних галерей, кричали, визжали, яростно жестикулировали. В ничем не защищенное круглое пространство между кровлями сыпал мелкий дождь, но и сырость не могла остудить горячие головы тех, кто с азартом наблюдал за травлей медведя.

На восемь крупных псов ради безопасности надели кожаные попоны, но матерый косматый зверь легко рвал их, словно это была французская бумага. Некоторые из собак уже лежали с вывороченными внутренностями, еще две зализывали раны у решетки, куда медведь, прикованный цепью к вделанному в стену кольцу, не мог дотянуться. Однако псы все еще кружили вокруг зверя. Они уже сорвали глотки и вместо свирепого лая издавали лишь глухое рычание.

Толпа неистовствовала. Воздух был пропитан запахом пота и крови. Песок под ногами животных превратился в смешанную с кровью грязь. На возвышении над медведем стоял хозяин с бичом, которым полагалось подстегивать зверя, если тот начнет пятиться, однако огромный самец с седым загривком и окровавленной пастью и не думал отступать. Он стоял у стены, чтобы прикрыть тыл и не слишком натягивать цепь, имея больше свободы в движениях, и отбивался от собак ловко и яростно. Однако и собаки, вкусив медвежьей крови, были возбуждены до предела. Сейчас псов оставалось всего лишь трое, и они хотели только одного – убить этого страшного зверя.

В воздухе раздался пронзительный визг. Огромными, как окровавленные ножи, клыками медведь рванул одного пса, осмелившегося вцепиться ему в пах. Разодрав бок собаки вместе с попоной, он далеко отшвырнул ее. Ударившись о стену неподалеку от одной из лож, животное обдало зрителей брызгами крови. Опыяненные зрелищем, люди взвыли. Сидевший в одном из нижних ярусов богато одетый человек восхищенно вскричал:

– Давай, Уорвик! Смелее! Сто дьяволов мне в глотку, ты молодец, и я велю искупать тебя в меде, когда ты расправишься с ними со всеми! Эй, хозяин, если зверь выживет, ему обеспечена спокойная старость в зверинце Тауэра. Я выкуплю его у тебя. А сейчас – ату, ату их, мой воин!

Это был граф Уорвик собственной персоной. Его худое костистое лицо пылало, он был изрядно навеселе, зеленые раскосые глаза сияли азартом битвы. Медведь, его геральдический символ, брал верх, и граф видел в этом для себя доброе предзнаменование. Когда зверь разделался с очередной собакой, коронатор запрокинул голову и расхохотался, обнажив крепкие белые зубы.

– Не спи, взгляни на него, Джордж! Это не зверь, а подлинный Уорвик, и я горжусь тем, что ношу его в своем гербе.

Граф грубо пнул дремавшего рядом пышно разодетого юношу. Это был его зять и собутыльник герцог Кларенс. Невысокого роста, широкоплечий, с бледным лицом, заросшим щетиной, с тонким, почти безгубым ртом и правильным прямым носом, он сонно открыл помутившиеся глаза и тупо уставился на арену. После бессонной ночи, которую они с тестем провели в притоне, ему было не до травли. Он устал, у него не было железной выносливости Делателя Королей, и казалось, что Кларенс не вполне понимает происходящее вокруг. Однако от толчка Уорвика с его головы слетела модная, напоминающая тюрбан шляпа и упала в грязь прямо рядом с медведем. Зверь наступил на нее лапой, повернулся, обороняясь, и шляпа превратилась в бесформенный комок.

– Чертово семя! Зад Вельзевула! – в гневе рявкнул молодой герцог. – Клянусь когтями нечистого, что вы наделали, Уорвик? Лучший утрехтский бархат, последний фасон, эту шляпу сделал для меня фламандец Ван Гуден...

– Успокойся, Джорджи, – поморщился Делатель Королей. – Я отдал тебе свои мидлхемские владения вместе с замком. Неужели после этого ты будешь считаться со мной из-за какой-то шляпы? Это уже мелочность.

– Мелочность?! Складки были скреплены брошью с арабским алмазом ценой в двадцать марок!

– Ну, в прошлый раз, дорогой зятек, ты, кажется, говорил, что она стоит пятнадцать марок. Это не важно, но все-таки стоит приказать, чтобы алмаз отыскали и вернули тебе.

– Господи милостивый! Неужели вы думаете, что я прикоснусь к нему после того, как его вывалили в медвежьем дерьме и собачьих потрохах? Проклятый зверь! Ну, погоди же! Битва еще не окончена.

Стремительно подавшись вперед, Джордж сделал знак медвежатнику.

Тотчас раздался лязг поднимаемой решетки, и на залитую кровью арену выскочили два черных датских дога. Их спины и животы были защищены кольчужными попонами, отливавшими серебром на темной шерсти.

Зрители, увидев, что представление не окончено, сначала оживленно загалдели, а затем притихли. Было что-то жуткое в том, как беззвучно и легко, словно танцуя, кружили эти твари вокруг израненного медведя, держась от него на безопасном расстоянии. Без единой светлой отметины, с разверстыми страшными пастями и острыми стоячими ушами, они походили на тени, явившиеся из ада. Глядя на них, медведь поднялся, рванул вдруг цепь так, что, казалось, она не выдержит, и издал полный отчаяния и ярости рык такой мощи, что у зрителей заложило уши.

Толпа, предвкушая необычное зрелище, загалдела. Джордж Кларенс засмеялся.

– Это превосходные псы с континента, специально натасканные на медведя.

Уорвик косо взглянул на него.

– Это нечестно, Джорджи, медведь и так уже вымотался. Он ранен, к тому же первую схватку он выиграл.

Неистовый рев заглушил его слова.

Оба дога одновременно бросились на зверя. Тот упал, и на миг все они сплелись в один клубок. Толпа взвыла.

– Ату! Ату его! – кричал Кларенс. – Ставлю двадцать марок, что они разорвут его, как котенка.

Уорвик молчал, лишь горькая складка залегла у его рта. Неожиданно Джордж умолк. Оба дога отпрянули в сторону, а медведь, раскачиваясь, встал. Шерсть его слиплась от крови, одного глаза не было, и кровь заливала уцелевший. Медведь мотал головой, не понимая, отчего стал плохо видеть. Псы казались невредимыми. Описав полукруг, они молча, как два призрака, вновь кинулись на свою жертву.

Зверь взревел. Один из псов вцепился ему в глотку, второй рвал живот. Кровь, вонь, рев, визг, вопль толпы смешались в невообразимом зрелище. Последним отчаянным напряжением сил медведь рванул повисшую на его горле собаку. Брызнула кровь, посыпались звенья лопнувшей кольчуги. Огромный дог, разодранный почти пополам, конвульсивно дергаясь, откатился в сторону, а в это время медведь всем телом рухнул на второго, который разрывал его кишки.

Толпа невольно затихла, а затем изо всех глоток вырвался крик. Невероятным усилием полумертвый гигант сумел нанести свой последний удар. Все видели, как взметнулась страшная когтистая лапа, и после этого было слышно лишь удовлетворенное, затихающее урчание зверя да жалобный визг собаки, отползавшей, перебирая передними лапами. Задние лапы бессильно волочились за ней – у дога был перебит хребет. Однако и медведь больше не поднялся. Уронив окровавленную голову на песок, он несколько раз судорожно дернулся и затих.

На какой-то миг повисла гнетущая тишина, а затем толпа взорвалась громкими криками. Те, что ставили на медведя, отказывались отдавать проигранное, так как две последние собаки не были предусмотрены, к тому же и победителя как такового не было. Их противники требовали отдать деньги. Началась драка. На арену выбежали два мясника и принялись разделять еще теплую медвежью тушу, скользя на внутренностях животных и падая. Кого-то с верхнего яруса шумно рвало.

Джордж Кларенс, перекрывая вопли толпы, пытался докричаться до хозяина, чтобы поискали его алмаз. Тот мотал головой, показывая, что не может разобрать слов герцога. Один Уорвик сидел неподвижно. Он смотрел на могучие медвежьи лапы, которые мясник, отрубив, швырнул на какое-то подобие носилок, и лицо его выражало уныние.

– Жаль, – проговорил он наконец. – Такой зверь! Джордж, ты загубил сегодня лучшего медведя, какого мне приходилось видеть.

– Не я, а мои псы, – смеясь, ответил молодой герцог.

– Пошли, – устало сказал Уорвик.

– А как же алмаз?

– Ну, разберись с ним и догоняй меня.

Уорвик вышел под дождь. Было сыро и сумрачно. Пахло горелым торфом и навозом. По кривым улочкам предместья Саутворк потоками струилась грязь. В былые годы здесь трудно было пройти из-за сновавших туда-сюда свиней и плескавшихся в лужах уток. Теперь же времена настали голодные, и забредшую на улицу живность тут же подхватывали лихие люди. Лишь порой пробегала толстая крыса или дрались за рыбью требуху тощие, облезлые псы. На ступеньках крылец жались мокрые рахитичные дети, под навесами домов на мочальных веревках болталось нищенское белье.

В Саутворке располагались многочисленные увеселительные заведения, балаганы, арены для травли медведей и петушиных боев, подмостки фигляров, кабаки и притоны. Из открытых дверей таверн и сейчас доносилось бречание струн, белели в полумраке женские плечи. Однако Уорвику было не до того. Он слишком устал после проведенной в пьяном угаре ночи, когда они с Кларенсом опустошали бутылку за бутылкой, задирая подолы местным шлюхам. Его раздражал этот нескончаемый дождь, мучила тупая боль в правом боку.

Сжав зубы, Уорвик тихо застонал. «Нет, о господи, только не это! Никто не должен знать, как я страдаю!»

Он улыбнулся и помахал рукой знакомой проститутке, щелкнул по макушке пробежавшего мимо карлика. Надо было отвлечься, не думать о боли. Однако все, что он видел вокруг себя, только усугубляло его мучения. Голодные, неприветливые лица, заколоченные окна домов, зловоние, мусорные кучи... И калеки. Огромное множество калек: хромых, слепых, трясущихся, паралитиков. В такие годы, как этот, они, словно мухи, устремлялись в города, надеясь чем-либо поживиться или прокормиться возле церковных приютов. Они шли и шли из провинции, неся с собой болезни, и с первыми теплыми днями из-за страшной людской скученности в городах вспыхивали эпидемии, и не было ни сил, ни умения бороться с напастью, оставалось лишь молить небеса о снисхождении.

Уорвик обогнул угол каменного здания, покрытого пятнами лишайника. В нос ударил нестерпимый запах гнили. Граф миновал крытые ряды, где кипели котлы торговцев требухой. Вокруг толпились нищие, и каждый котел находился под бдительным оком угрюмого молодца с дубинкой или цепным псом. Уже бывали случаи, когда голодная толпа опрокидывала котлы и расхватывала варево прямо с земли. В давке доходило до смертоубийства.

Уорвик поморщился. Голод, все тот же голод. Он ощущался повсюду: в пустых окнах лавок, в затишье на улицах, в длинных очередях перед лавками булочников и мясников, в постоянно попадающихся на глаза похоронных процессиях, в озлобленных взглядах, которые он порою ловил на себе. Почти на каждом углу торчали городские гвардейцы, и хотя ему

нечего было опасаться, однако всякий раз, отправляясь в город, он не забывал надеть под камзол тонкую, но прочную кольчугу. Уорвик знал, что испокон веков во всех бедах винят того, кто у власти. Знал он и то, что купцы не забыли о его запрете на торговлю с Бургундией, и многие знатные лондонцы заплатились головой за свою приверженность королю Эдуарду. Вместе с тем он хорошо помнил, какая радость царила в том же Саутворке, когда несколько месяцев назад он вступил в Лондон и все эти люди во весь голос благословляли его имя и связывали с ним свои надежды на лучшее.

– Я не Господь Бог, я не могу сотворить чудо, – бормотал Уорвик. – И не я послал это лихолетье и дождь!

Он вспомнил о провале изданного парламентом не без его участия билля о замораживании цен. Какого труда стоило его провести, и все впустую. Цены продолжали расти, несмотря ни на что. Купцы предпочитали гноить свой товар, но не продавать его по дешевке. Говорили, что на севере страны дома стоят без кровель, потому что люди съели солому с крыш, а юг еще держался благодаря ловле рыбы в реках. Уорвик сумел добиться разрешения на рыбную ловлю всем без исключения, и теперь берега Темзы были усеяны рыбаками, как зубцы Тауэра воронами. И все равно люди роптали, утверждая, что при Йорках жилось лучше. Никто во всей Англии и не думал о том, что уже доброе десятилетие на острове правит всем этот худощавый зеленоглазый человек – Ричард Невиль – и успехи и бедствия страны связаны с ним. Глупцы, они считают, что стоит только вернуться Эдуарду Йорку – и все сейчас же переменится!

Уорвик шел, хмуро поглядывая по сторонам. Его желтые замшевые сапоги отяжелели от налипшей грязи. Возле старой громады Маршалси его догнал Кларенс. У молодого герцога блестели глаза.

– Поглядите, я его все же отыскал!

И он показал крупный, с горошину, алмаз, ярко сверкавший на его грязной ладони. Кларенс был оживлен, однако, взглянув на мрачное лицо тестя, прикусил язык.

Только при подходе к Лондонскому мосту настроение Уорвика изменилось к лучшему. Вход на мост «украшал» оскалившийся в жуткой улыбке череп, надетый на копье. Вороны уже давно отполировали его, и, несмотря на бальзамирующий состав, которым обычно пропитывали головы казнённых, на нем не осталось ни клочка кожи.

Уорвик вдруг рассмеялся и притянул зятя к себе за плечо.

– Смотри, Джордж, смотри, как скалится Джон Вудвиль! Клянусь кончиной Господней, настанет день, когда я буду точно так же глядеть на оскал твоего брата или даже двух братьев разом. Что скажешь на это, мой славный зятек?

Он улыбался, но взгляд его буравил Кларенса. Внезапно тот выпрямился и, глядя прямо в глаза тестю, твердо сказал:

– А что тут скажешь? Я знаю лишь одно. В тот день, когда Нэд Йорк окажется у вас в руках, я буду умолять вас о его помиловании. Он мой кровный брат, хотя пути наши и разошлись. Да, сэр, я буду просить за него, даже если это разгневет вас. Однако в том, что я больше никогда не встану рядом с Эдуардом и не прокричу «Англия и Йорк!», – в этом я готов поклясться спасением собственной души. Ибо – видит Бог – как ни горько это сознавать, но я понимаю, что теперь либо их головы, либо моя окажется на копье. Я уже сделал свой выбор, когда пошел за вами, Уорвик. Эдуард никогда не простит мне измены. Как говорится, жребий брошен.

Взгляд Уорвика потеплел, он обнял юношу за плечи.

– Я люблю тебя, Джорджи. Всегда помни об этом. Небеса не даровали мне сына, но Провидение свело нас с тобой, и ты стал мне как сын. Не забывай этого, мой мальчик.

Он резко повернулся и направился к спуску к реке. Джордж, немного приотстав, коротко вздохнул. Он смотрел на Уорвика взглядом затравленного зверя.

Узкая каменная лестница спускалась к причалу. Здесь среди множества лодок, привязанных к кольцам набережной, покачивался вместительный ялик, под нарядным навесом с длинной, несколько потемневшей от сырости бахромой. Лодочник, маленький и круглолицый, с курносым безбровым лицом, дремал, забравшись под навес и закутавшись в плащ. Но, едва только лодка качнулась под тяжестью Уорвика и его зятя, он мгновенно проснулся.

– Пошел вон! – сгоняя его с нагретого места под навесом, прикрикнул Джордж и тут же выругался, едва не потеряв равновесие.

Уорвик и Кларенс уселись на корме, маленький лодочник взялся за весла.

– Домой, – распорядился Уорвик, а затем внезапно спросил: – В чем дело, Джек?

Лодочник, не опуская весел, заплакал:

– Мой сынишка... Ох, милорд! Вчера, когда вы ушли, приходила моя жена. Сынок наш вчера помер.

Он глотал слезы. Уорвик смотрел на него.

– Почему же ты не ушел?

– Как можно?... Я ведь на службе. Могу понадобиться.

Уорвик отвел взгляд.

– Отвезешь нас – и три дня свободен. Думаю, вам с женой лучше сейчас побыть вместе. И зайди к казначею. Скажешь, что я велел выдать тебе пять шиллингов.

На минуту весла замерли в воздухе. Лодочник неотрывно смотрел на графа, потом весла снова ушли в воду.

– Храни вас Бог, добрый господин.

Уорвик кивнул.

– От чего умер твой сын?

– Одному Создателю это известно. Мало ли от чего мрут дети...

Уорвик перевел взгляд на воду. Позади пьяно хмыкнул Джордж.

– Вы балуете слуг. Зачем этому болвану столько денег?

Не оборачиваясь, Уорвик сказал:

– За преданность всегда нужно платить. Запомни это, мой мальчик, крепко запомни, иначе тебя ждет судьба твоего брата.

– К знатым лордам вы не столь расположены и не имеете привычки оказывать им помощь, не оговорив некоторых условий.

– Ты не столь глуп, Джордж, чтобы не понять, что лорд всегда хищник, который нуждается в кнуте и прянике. Простолюдин же – пес, который верен сам по себе, и его не жаль приласкать лишний раз.

Джордж промолчал, а Делатель Королей добавил:

– Этот парень когда-то в трудную минуту помог моей младшей дочери⁶.

– Да-да, я знаю. Он, еще какой-то каменщик, которому пробили башку как раз перед нашим прибытием, да та здоровенная кривая шлюха, которой вы помогли открыть кабака у Лондонского моста.

– Не кабака, а гостиницу. Я уже давно хотел устроить в Англии хоть с десяток приличных постоялых дворов, таких как во Франции.

– У нас это не привьется. Да и цены в этой гостинице такие, к каким наша знать не привыкла.

Лодочник Джек молча налегал на весла. Он уже давно привык, что высокородные господа ведут свои разговоры, словно не замечая его. Его дело грести. Он был доволен своим местом. Лодочник Делателя Королей – это тебе не шутки! Все бы хорошо, да вот что-то

⁶ Здесь и далее звездочкой помечены упоминания о событиях, рассказанных в предыдущем романе автора – «Обрученная с Розой».

посыпались на Джека всевозможные напасти. За два месяца его дважды обокрали, у жены случился выкидыш, а теперь вот младшенький умер. Может, и правду говорят, что Уорвик проклят и утащит с собой в ад всех, кто ему служит? Вот и приятель Перкен погиб, когда Уорвик уже вступал в Лондон. Правда, Дороти Одноглазая пока процветает, да и ему жилось бы вовсе не плохо, если бы не чертова дороговизна.

Он поднял глаза на графа. За спиной Уорвика исчезала в тумане громада Лондонского моста со всеми его двадцатью арками, лавками и кабачками вдоль парапета. И года не прошло с тех пор, как он, Джек, вот так же вез по Темзе дочь коронатора, нынешнюю принцессу Уэльскую, одетую в мужское платье. Подумать только! Они с Дороти не прогадали, оказав ей тогда помощь. Однако откуда же берутся все эти напасти, это дурное настроение, это предчувствие беды, наконец?

Он взглянул на своего могущественного господина. Ястребиный профиль Уорвика придал Джеку уверенности. «Нет, видит Бог, я не ошибся, примкнув к нему. Такие, как он, не проигрывают!»

Уорвик глядел на Лондон. Сквозь пелену дождя любимый город проступал серым призраком. Правый берег Темзы, где располагался Саутворк, уже нельзя было различить. Во мгле выступали лишь высокие колокольни Саутворкского собора и церкви Марии Заречной. Ближе был левый берег с его каменными ступенями у воды, откуда доносился гвалт прачек. На деревянных пристанях мокли рыболовы с удочками. Какой-то человек на песчаной отмели поил и купал лошадей. Над водой скользила чайка. Слышались плеск волн, хлюпанье весел, надрывающее душу гудение рожков из морских раковин на торговых судах, да откуда-то сзади долетало слабое эхо с корабельных верфей.

Уорвик поглядел вверх, туда, где над кровлями жавшихся друг к другу домов с островерхими двускатными крышами взмывала вверх громада собора Святого Павла. Он возвышался над всеми церквями Лондона, огромный, древний, потемневший от времени, с легкими готическими нервюрами, стрельчатыми окнами, зажатым между двумя стройными башенками главным входом и центральной башней, увенчанной плохо различимым сейчас из-за дождя острым шпилем. Собор не походил ни на один из виденных Уорвиком во Франции, и это почему-то радовало графа. Это был чисто английский храм, так же как Лондон был чисто английским городом, строптивым, гордым, богатеющим, несмотря на разорительную войну, – городом, который мог и королям указать их место, который не имел, подобно Парижу или Толедо, королевской резиденции, а заставлял государей тесниться в Тауэре или в Вестминстере. Сити же не принадлежал никому, он был норовистый, как горячий конь, но именно таких и любил Уорвик, ибо чем труднее их обуздать, тем слаще победа.

Темза делала изгиб. Ее воды казались ржаво-сизыми. По реке сновали неуклюжие плоскодонки, нагруженные вязанками хвороста, сеном, жмущимися друг к дружке отощавшими овцами. Сквозь дождь на берегу были видны то украшенная четырьмя изящными башенками колокольня церкви Святой Бриджит, то набережные Фрайерса, то сады Темпл-Бара. Дальше, сразу за городскими воротами, белели стены большого францисканского монастыря, а затем начинался Стренд с великолепными усадьбами, парки которых спускались к реке.

Когда показались медная крыша и квадратные башенки нового особняка Савой, где располагалась резиденция герцога Кларенса, Уорвик приказал причалить. Однако задремавший было Джордж внезапно очнулся и схватил тестя за руку:

– С вашего позволения, сэр, я бы хотел сейчас отправиться с вами.

Он замялся на мгновение, но Уорвик понял и засмеялся:

– Что, Джорджи, боишься Изабеллы?

– Милорд, вы шутите! Всем известно, что я отлично переношу женские слезы. Но Изабель в положении... Будет лучше, если ей сообщат, что я с вами в Вестминстере.

Уорвик с улыбкой смотрел на зятя.

– Ты ведь любишь ее, Джордж. Зачем тебе таскаться со мной по всем этим ночным кабакам?

Кларенс отвел взгляд и пожал плечами:

– Человек несовершенен. Еще Куяций сказал: «*Multa sunt in moribus dissentanea multe, sine ratione*»⁷.

Уорвик захохотал:

– Латынь с похмелья!.. Да еще Куяций! Это забавно. Ладно, ладно, мой славный Джорджи. Я покрою твой грех. Гребни в Вестминстер, Джек.

Уорвик был доволен тем, что Кларенс бережет супругу. Они кутили с зятем не впервые, и Уорвик знал, что Изабелла сердится на него. Но даже в мелочах граф оставался политиком и готов был пожертвовать семейным благополучием старшей дочери ради того, чтобы покрепче привязать к себе Кларенса. Он доверял Джорджу, но вместе с тем хотел постоянно иметь под рукой одного из Йорков. К тому же какой супруг не оставляет иной раз семейное ложе, чтобы пройтись по притонам? Так пусть уж лучше он делает это под присмотром тестя. Другое дело, что, как заметил Уорвик, Джордж стал чересчур часто заглядываться на других женщин. Видимо, этот брак не столь удачен, как полагали раньше. А ведь не уступил он в свое время просьбе дочери, она была бы сейчас замужем не за Джорджем, а за Эдуардом, и вряд ли он тогда служил бы своим мечом Ланкастерам. Да, и этот брак – его старшей дочери и второго Йорка – можно причислить к ошибкам Делателя Королей. Всего лишь раз он поддался чувствам и поступил как отец, а не как политик, и так промахнулся! Конечно, Джордж славный малый, но он не король. Изабелла несчастлива, а сам он, выдав младшую дочь, Анну Невиль, за Эдуарда Уэльского, намертво приковал себя к Ланкастерам, черт бы их побрал!

Уорвик не заметил, как выругался вслух. Вновь задремавший было Кларенс открыл глаза и внимательно поглядел на Делателя Королей.

«А ведь он сдает, – пришло в голову Джорджу, пока он разглядывал бледное, с желтизной лицо тестя с набрякшими под глазами мешками, его усталый рот с брезгливо опущенными уголками. – Его камердинер недавно проболтался, что граф подозрительно часто стал прибегать к помощи лекаря-итальянца, которого он вывез из Франции. Откуда эта бледность, эта золотушная желтизна, этот рыжий оттенок белков его глаз? Пьет он, конечно, много, однако в последнее время я не раз замечал, как его то и дело выворачивает наизнанку. А это весьма скверный признак».

И тут, словно в подтверждение своих мыслей, он увидел, что Уорвик вцепился в борт лодки и, склонившись вперед, стал давиться. Кларенс испытал злорадное удовлетворение. Не так уж и неуязвим этот медведь, что-то и его гложет изнутри. Он улыбнулся, но тут же смахнул улыбку, заметив, что Уорвик снизу вверх, через плечо оглянулся на него.

– Что смотришь, Джордж?

Придав лицу безразличное выражение, Кларенс слегка пожал плечами:

– Я размышляю о том, когда наконец вы соизволите принять принцессу Анну.

Ни для кого в Вестминстере не было тайной, что встреча отца с прибывшей из Франции дочерью закончилась скандалом. Уорвик требовал, чтобы принцесса Уэльская незамедлительно вернулась к мужу, Анна же, ссылаясь на бури и беспокойные воды пролива, отказывалась. Этот разговор происходил при закрытых дверях, но их голоса звучали достаточно громко, чтобы любопытные лакеи тут же разнесли весть. Пошли сплетни о том, что брак дочери Уорвика и принца Уэльского вовсе не идеален и даже более того – Анна якобы при-

⁷ «В обычаях человеческих много разнообразия и много нелепостей» (лат.).

была вопреки воле мужа и царственной свекрови Маргариты Анжуйской, и это привело в ярость Уорвика.

Однако постепенно все улеглось, особенно после того, как Анну Невиль весьма милостиво принял король Генрих. Вместе они долго молились у гроба Эдуарда Исповедника⁸ и даже договорились совершить паломничество в Кентерберии⁹ по окончании зимних дождей. Но, даже несмотря на расположение короля к невестке, Уорвик не принимал дочь, и если им и приходилось встречаться, то лишь во время официальных церемоний.

Дождь зашумел сильнее, вспенивая гребешки волн. Лодочник Джек пониже опустил капюшон. Уорвик, не ответив Кларенсу, глядел на унылые поля Вестминстера, на возвышающийся поодаль дворец английских королей. Огромный, совместивший в себе множество архитектурных стилей, несколько перегруженный каменными украшениями, замок Вестминстера как бы окружал аббатство с недостроенным, но уже удивительно легким, ажурным собором. На него-то и указал Джорджу Делатель Королей:

– Смотри, мой мальчик, вон там, за стенами аббатства, обитает шлюха Элизабет, ставшая королевой. Она воспользовалась правом убежища, чтобы родить под церковными сводами ублюдка, которого многие считают наследным принцем. Она дала йоркистам надежду. А моя дочь – клянусь вечным спасением! – вместо того чтобы понести от Ланкастера, примчалась сюда, уверяя меня, что ее переполняют дочерние чувства. Но, видит Бог, не для того я так высоко вознес ее, чтобы она вела себя, как когда-то в детстве, вытворяя все, что взбрет ей в голову. Ее долг быть рядом с принцем Уэльским, дать Англии наследника.

Джордж наклонился и тронул графа за рукав:

– А как же мы с Изабеллой, Уорвик? Ведь, согласно договору в Амбуазе, если у Эдуарда и Анны не будет детей, наши отпрыски наследуют престол. Что же вас беспокоит? Или дитя Ланкастеров вам дороже, чем наше с Изабеллой?

Уорвик повел плечом.

– Не болтай глупостей! Мне безразлично, кто из моих внуков получит Англию. Но ведь сейчас на троне Ланкастеры, и не мне объяснять тебе, что прямая ветвь всегда предпочтительнее побочной.

Джордж засмеялся.

– Что-то вы не думали об этом, милорд, когда отшатнулись от Ланкастеров и поддержали моего отца в первые годы войны Алой и Белой Розы.

Не ответив, Уорвик вновь склонился над бортом в приступе тошноты. Джордж отпрянул, а Джек поднял весла, нерешительно поглядывая на господина. Уорвик наконец выпрямился и подставил дождю бледное спокойное лицо. Веки графа были опущены.

– Какой это гадостью нас накормили в Саутворке, а, Джордж?

Он широко распахнул свои хищные желто-зеленые глаза и, уставившись прямо в глаза зятю, проговорил:

– Я никогда не забываю о первенстве прямых потомков, мой мальчик. Даже тогда, когда имел столько власти, что мог дерзнуть сам занять трон. Да, я помнил об этом и поступал по чести, поэтому корона досталась твоему брату Эдуарду. Я очень люблю и тебя, и Изабеллу, но если родится Ланкастер, именно ему я отдам Англию.

Он говорил как хозяин, этот бледный худой человек, которого только что согнули пополам желудочные спазмы, и Джордж невольно отпрянул под напором той силы, которая бушевала в глазах тестя. Ему стало не по себе, и он поспешил обратить все в шутку:

⁸ Эдуард Исповедник (1042–1066) – англосаксонский король, причисленный к лику святых. Его прах покоится в Вестминстерском аббатстве в Лондоне.

⁹ В городе Кентерберии находилась гробница причисленного к лику святых архиепископа Томаса Бекета.

– Видит бог, это так, Уорвик. Когда мы приедем, я подниму первый бокал за благополучное зачатие Ланкастера. Ведь не глупец же Нэд Ланкастер, чтобы не сделать младенца такой красотке, как леди Анна. Кто бы мог подумать, что из лягушонка, каким она была в детстве, вырастет подобное чудо? Однако, как ни горько это сознавать, моя ослепительно прекрасная свояченица не слишком расположена ко мне.

– Это оттого, что ты чересчур усердно демонстрировал ей свое восхищение в присутствии Изабеллы. Не забывай, Джордж, мои дочери очень преданны друг другу, и Анна без колебаний предпочтет остаться без поклонника, чем обидит сестру.

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно умолк. К ним от Вестминстера спешила лодка, в которой восседал камергер графа лорд Арчер.

– Милорд, милорд граф! – кричал баронет. – Вас ищут с самого рассвета. Вчера ночью в Лондон вернулся герцог Экзетерский!

Уорвик сразу весь подобрался. Экзетер, бывший его недруг, а ныне союзник, как и большинство ланкастерцев, был отправлен им в Бургундию, дабы настоять, чтобы Карл Смелый не оказывал помощи беглым Эдуарду и Ричарду Йоркским. В противном случае Уорвик грозился в союзе с королем Людовиком начать против Карла военные действия. По сути, это был блеф, ибо Ланкастеры еще не настолько упрочили свою власть. Однако Уорвику надо было сделать все, чтобы задержать Йорков на континенте. И в связи с этим миссия Экзетера была чрезвычайно важна.

Уорвик взглянул на зятя:

– Ты слышал, Джорджи? Надо немедленно собрать Совет. Бог знает, что привез нам этот увалень Экзетер из Бургундии, но, клянусь истинной верой, любые новости лучше, чем совсем никаких. Совет состоится через...

Он услышал, как с башни Вестминстерского аббатства сорвался первый удар колокола, звавший к Angelus¹⁰.

– Совет состоится в три часа пополудни. Вас, милорд, я бы настоятельно просил присутствовать.

Лицо Джорджа вытянулось:

– Помилосердствуйте, граф! Я с ног валюсь от усталости, а мой вид оставляет желать лучшего...

– Не важно, – отрезал Уорвик. – Я тоже валюсь от усталости, но долг обязывает.

И, не глядя больше на зятя, он повернулся и, оттолкнув протянутую ему баронетом руку, легко спрыгнул на спускавшуюся к самой воде лестницу Вестминстера.

¹⁰ Утренняя, дневная и вечерняя молитва Деве Марии.

2. Отец и дочь

В комнате пахло лечебными снадобьями. Тяжелые бархатные занавески на окнах были опущены, и мрачные старинные стены освещались лишь пламенем камина. На постели лежал граф Уорвик, его рука бессильно свешивалась, и из надреза на вене в посеребренный таз, который держал на весу молоденький брадобрей, стекала вязкая струйка крови. Отворение крови, согласно медицинским представлениям, производилось лишь при искусственном освещении.

Из глубины огромной спальни, погруженной в полумрак, появилась фигура коренастого человека лет тридцати. Из-под плоского берета с наушниками на его лоб падали глянцево-черные прямые волосы, а широкое темно-синее одеяние указывало на то, что его обладатель – лекарь.

– Вы по-прежнему постоянно чувствуете тупую боль в правом подреберье? – осведомился врач, говоривший с сильным итальянским акцентом.

Лицо Уорвика осталось непроницаемым. На лекаря он не глядел. Итальянец, сцепив пальцы, хрустнул ими и заговорил торопливо, коверкая слова, однако довольно складно:

– Santa Dio¹¹! Синьор Ричардо, вы требуете невозможного! Я должен лечить вас, да еще *in petto*¹², но я вижу, что вы сами беспрестанно воюете с собой. Вы не выполнили ни одного моего указания. Поистине вы губите себя! Я не зря провел восемь лет в медицинской школе в Салерно, и если вы прибегли к моей помощи, то для меня *puntiglio*¹³ оправдать оказанное доверие. *Ressato*¹⁴, но...

Уорвик звучно прищелкнул пальцами, вынуждая лекаря умолкнуть, и жестом отослал брадобрея. Когда тот вышел, граф откинул одеяло, встал и запахнул халат, перетянув его серебристым шнуром.

– Клянусь гербом предков, синьор Маттео, что когда-нибудь вы лишитесь языка за свою болтливость. И я не хотел бы, чтобы именно меня вы заставили сделать этот шаг. Вот теперь – заметьте, только теперь, когда мы остались наедине, – я спрашиваю вас, каково мое положение?

Маленький итальянец выпрямился.

– Плохо! И вы сами, синьор, тому виной!

– Что же со мною?

– Наерар¹⁵. Она непомерно увеличена, поскольку вы уж слишком большую дань отдадите вину. Ваша милость, ваш организм в глубоком расстройстве и уже не справляется с нагрузками. Да как вы могли, сеньор, пропьянствовав где-то всю ночь, сразу отправляться на Совет!.. Неудивительно, что с вами случился после него обморок.

Уорвик криво усмехнулся:

– И счастье еще, что я лишился чувств после Совета. Иначе... Никто не должен знать о моей слабости. Слышите, синьор итальянец. Даже при всей вашей болтливости вы должны молчать о моем недомогании.

– Ах, синьор! Оставим это *a parte*¹⁶. Будем говорить лишь о том, что *non est census super censum salutis corporis*¹⁷. И поэтому я настоятельно рекомендую вам полностью отказаться

¹¹ Святой Боже (*итал.*).

¹² Тайно (*итал.*).

¹³ Вопрос чести (*итал.*).

¹⁴ Прискорбно (*итал.*).

¹⁵ Печень (*лат.*).

¹⁶ В стороне (*итал.*).

от переутомления, а также от всевозможных неразбавленных вин и от этой вашей омерзительной...

Он замялся, подбирая слово, и Уорвик подсказал:

– Асквибо¹⁸.

– Sì, асквибо. Прекратите изнурять себя. Вы больны, синьор Ричардо, и во имя всего святого я умоляю вас выполнять мои предписания и...

– Caro carino!¹⁹ Неужели вы думаете, что я не понимаю этого? Однако я уже положил руку на плуг и не сойду с этой борозды. Так что, синьор Маттео Клеричи, делайте свое дело, лечите меня, пускайте мне дурную кровь и не лезьте с советами. И учтите, не тот я человек, чтобы так скоро сдаться. А теперь можете идти.

Маттео Клеричи только вздохнул и понуро поплелся к двери. Уорвик посмотрел ему вслед, и глаза его потеплели. Он умел ценить преданность, другое дело, что ныне он научился доверять вернейшим из верных. И поэтому, даже сознавая, что Маттео Клеричи прав, он почти машинально пренебрегал его предписаниями. Впрочем, было здесь и другое – графу уже не доставало сил бороться с собственными пороками. В такие минуты ему становилось жутко, ибо он воочию убеждался, насколько слаб он сам – великий Уорвик, человек, возводивший на трон королей и свергавший их. Это были черные мысли, и он спешил укрыться от них в общении с Богом – единственным, кого он считал сильнее себя на этой земле.

Вот и теперь, едва за врачом затворилась тяжелая дверь, Уорвик прошел к резному аналою и устремил взгляд на большое позолоченное распятие. Отливающее лимонной желтизной, лицо Христа на стене было столь же изможденным, как и лицо графа, однако никогда ни одно изображение Спасителя не выражало такого твердокаменного упрямства, какое было сейчас на лице Делателя Королей.

Уорвик опустил на колени, сложил руки и медленно прочитал «Confiteor»²⁰. Молился он долго, не сводя глаз с распятия, словно ожидая одному ему понятного знамения.

– Господи, оставь мне лишь немного времени и сил, чтобы довести до конца начатое, ибо слишком много чад твоих доверились мне, слишком многое от меня зависит. Я знаю, Господи, что сам избрал свою участь и недостойно мужа роптать на судьбу, но, Милосердный, дай мне еще толику сил, дабы ноша моя не раздавила меня. Не помощи прошу, но лишь частицу силы. И тогда я смогу...

В камине с треском обрушилось полено, взметнув вихрь искр. Уорвик вздрогнул, очнувшись. Резко встав с колен, он шагнул к большому, в человеческий рост, зеркалу, привезенному из Венеции и отражавшему человека таким, каков он есть. Из глубины ясного стекла на Уорвика смотрел вельможа в тяжелом домашнем одеянии из темного вельвета и мехов. Приблизившись к самой поверхности зеркала, он внимательно вглядывался в свое отражение. Нет, не нравился ему этот латунный оттенок кожи, ржавый отлив белков, эти запавшие от постоянного недосыпания глаза.

– Дьявол и преисподняя! Разве это Делатель Королей? Жалкий старик, возмнивший себя вершителем судеб целого королевства!

И тотчас он вспомнил прошлую ночь, когда они с зятем метали кости, решая, кому тешиться с блондинкой, а кому с брюнеткой, вспомнил, как в одной из таверн вспыхнула драка и он принял участие в ней, успев до крови разбить костяшки пальцев о чьи-то зубы, пока в толпе не узнали его и все гуляки не бросились врассыпную.

¹⁷ Нет ничего более ценного, чем здоровье тела (*лат.*).

¹⁸ Асквибо – шотландская водка, настоянная на травах.

¹⁹ Дорогой мой (*итал.*).

²⁰ «Каюсь» (*лат.*).

Уорвик улыбнулся.

– Что бы там ни было, а этот итальяшка просто запугивает меня. Видит бог, мы еще повоюем!

Он глубоко вздохнул и покосился на резной буфет в глубине комнаты. Колебался он недолго. Потом подошел и достал длинную бутылку цвета венецианского стекла. В ней была асквибо, к которой он пристрастился еще во время войн в Нортумберленде. Граф отхлебнул глоток, поморщился и заел питье сушеными финиками. На лице его появилась улыбка. Он чувствовал, как блаженное тепло разливается по жилам, как поднимается в нем волна силы.

Щеки его окрасил легкий румянец, глаза заблестели.

«Чудак этот лекарь Маттео! Неужели он не понимает, что без выпивки мне не продержаться так долго?»

Но теперь к делам. Граф развернул на большом столе карту Англии и долго изучал ее. На сегодняшнем Совете от Экзетера стало известно, что хотя Карл Смелый и дал согласие отказать Йоркам в помощи, но на деле он просто услал их, чтобы тайно все же поддерживать. Так, стало известно, что, пока Эдуард гостит у своей сестры Маргариты в Брюгге и даже заводит романы с тамошними красавицами, привлекая к себе всеобщее внимание, его брат, хромой Ричард Глостер, отбыл в нейтральный порт Вер, где готовит корабли для высадки в Англии.

А что может противопоставить Йоркам он, Уорвик? Конечно, он протектор королевства, и Генрих Ланкастер наделил его неограниченными полномочиями, но на кого он может опереться? Граф подумал о своих сторонниках. Сомерсет, Оксфорд и Экзетер. Преданные ланкастерцы, против которых он некогда воевал. Сейчас они его союзники, но Уорвик не был уверен ни в одном из них. Экзетер туп и откровенно враждебен, хотя и вынужден смиряться. Оксфорд, рыцарственный граф, который, однако, до сих пор не может сжиться с мыслью, что они с Уорвиком в одном стане. А Сомерсет? Этот вельможа происходит из рода Бофоров, с которыми Невилы всегда враждовали. Достаточно вспомнить, что Уорвик убил его отца, а брата казнил Монтегю. Что же сказать о собственных братьях? Джон, маркиз Монтегю, неплохой полководец, но он всегда завидовал славе Уорвика. Да и сам Уорвик не раз говорил, что Монтегю редкий предатель в роду благородных Невилей. Достаточно вспомнить рассказ Анны, как вел себя Джон Невиль, когда она бежала от Йорков, чтобы усомниться: может ли он полагаться на Монтегю? Некогда Эдуард Йорк обещал обручить сына Монтегю с маленькой принцессой Элизабет, однако, после того как королева родила сына, этот союз не так и прельщает Джона. Поэтому он так легко обручил малыша с дочкой Экзетера. Он вообще все делал легко. Легко оставил старшего брата ради службы Эдуарду. Так же легко отказался от короля Белой Розы, когда прибыл Уорвик. Нет, Делатель Королей не мог доверять младшему брату.

А средний Невиль, епископ Джордж? Уорвик знал, что из троих братьев Невилей Джордж наиболее податлив и слаб. Слаб ли?.. Можно ли назвать слабостью осторожность и даже трусость? Но епископ год назад помог бежать дочери Уорвика из-под опеки Йорков. Он вообще помогает всем скрыться. Помог Анне, потом помог бежать Эдуарду. Ведя расследование по этому делу, Уорвик выяснил, что епископ предоставил Эдуарду полную свободу, взяв с того только слово чести. Делатель Королей был поражен. Прелат Англии, неглупый и здравомыслящий человек, не новичок в политике, и вдруг такая доверчивость... Оставалось надеяться, что это все же была доверчивость, а не расчет.

Среди сторонников Уорвика ныне был и человек, которому он готов был симпатизировать. Этим человеком был галантный и легкомысленный лорд Томас Стэнли. Весельчак и балагур, еще молодой, но рано поседевший кавалер и рыцарь, он всегда держал сторону Белой Розы и перешел к Ланкастерам исключительно из расположения к самому Уорвику. К тому же Стэнли был женат на его родной сестре Элеоноре Невиль. Правда, в последнее

время отношения между коронатором и Стэнли стали прохладнее, так как Стэнли не скрывал своего увлечения молодой вдовой графа Ричмонда – Маргаритой Бофор, в то время как его супруга чахла от болезней в отдаленном имении.

По сути, Уорвик был уверен сейчас только в одном человеке – в своем зяте Джордже Кларенсе. Родной брат изгнанного Эдуарда, он давно отошел от Йорков и верой и правдой служил Делателю Королей. Недаром Уорвик сделал его вторым протектором Англии, наделил всяческими полномочиями, а главное, добился пункта в договоре с Ланкастерами, по которому дети Джорджа имели права на трон, если у Эдуарда Уэльского и Анны Невиль не будет потомства. Уорвик сделал все, чтобы Джордж был ему предан. И он любил этого парня. И доверял. Что ж, значит, Уорвик все-таки не одинок среди своих союзников-врагов.

Эта мысль привела графа в хорошее расположение духа. Он улыбнулся и, плеснув себе еще асквибо, прошел в свой кабинет. Его ноги по щиколотку утопали в мягком ворсе персидского ковра. Возле массивного камина из черного гранита находился письменный стол, рядом – заваленный бумагами секретер, а напротив – три пюпитра, за которыми с перьями наготове ожидали секретари.

Уорвик сел и, откинувшись на спинку кресла, принялся диктовать. Ему предстояло отправить письма трем правителям: родственнику Ланкастеров португальскому королю Альфонсу V, герцогу Бретонскому Франциску и молодому главе Флорентийской республики Лоренцо Медичи. Это были вполне официальные любезные ответы на столь же официальные дружественные послания, и, чтобы не тратить времени на каждое в отдельности, Уорвик диктовал сразу три текста, пользуясь привычными формулами дипломатической вежливости, порой делая паузы лишь для того, чтобы подчеркнуть ту или иную особенность в письме к одному из адресатов. Писцы иной раз обменивались быстрыми взглядами, поражаясь трезвости мысли этого утомленного и изрядно выпившего человека. Его хрипловатый, но твердый голос гулко отдавался в огромном кабинете, пустоту которого не могли заполнить ни мягкие ковры, ни дорогая резная мебель, ни стоявшие, словно немые стражи, в простенках между окнами богатые турнирные доспехи графа. Комната все равно казалась необитаемой, живым здесь был лишь этот зеленоглазый человек с простой чашей в руке, ибо даже торопливо скрипящие перьями секретари в темной одежде были неотличимы от деревянных изваяний, поддерживающих буфет за их спинами.

Наконец с письмами было покончено. Уорвик просмотрел их, поставил подпись и жестом отослал писцов. Вот теперь, кажется, все.

Уорвик допил шотландскую водку и откинулся на спинку кресла. Но едва он решил передохнуть, как пламя свечей неожиданно заколебалось, дверь кабинета приоткрылась и вошел церемониймейстер. Стукнув в пол витым серебряным жезлом, он возвестил:

– Ее высочество принцесса Уэльская!

Уорвик не шелохнулся. После ссоры с дочерью в день ее прибытия они почти не встречались, если не считать торжественных приемов и молебнов, на которых им в соответствии с придворным этикетом приходилось присутствовать. Анна держалась высокомерно, и это возмущало Уорвика, ибо, несмотря на размолвку, он уже простил дочь и тосковал по ней, особенно сейчас, когда они оказались под одним кровом. Однако Анна, казалось, не стремилась припасть к коленям отца и вымолить прощение за свой дерзкий поступок. Некоторое время она прожила у своей сестры в Савое, затем совершила поездку в Оксфордшир, несмотря ни на плохую погоду, ни на то, что на дорогах разбойничали. На днях она вернулась, но по-прежнему избегала отца. И вот теперь этот поздний визит.

Принцесса вошла стремительно, без реверанса – обычного приветствия. В руках ее был накрытый салфеткой поднос. Кивком головы отослав церемониймейстера и сопровождавших ее фрейлин, она подошла к отцу.

– Ваша светлость, вы отсутствовали сегодня за вечерней трапезой и, как я узнала от камергера, вообще весь день ничего не ели. Не считите за дерзость мое неучтивое вторжение, но я всего лишь хотела оказать вам маленькую услугу. Это легкий ужин.

Анна поставила перед ним поднос.

«Как она хороша! – с горькой нежностью подумал Делатель Королей. – Когда-то ее называли лягушонком, однако теперь даже самые строгие ценители должны прикусить языки, ибо в моей девочке есть нечто большее, чем обычная женская красота».

В самом деле, Анна Невиль обладала незаурядной внешностью. Высокая, еще не утратившая подростковой худобы, она была прелестно сложена, а изящная грация юной леди сочеталась с порывистостью, выдававшей живой темперамент. Горделивая посадка головы, грациозная, чуть наклоненная вперед шея, округлое выразительное лицо, слегка вздернутый легкомысленный нос и великолепные ярко-зеленые миндалевидные глаза, полные огня и блеска, – все было в ней привлекательно. На такое лицо хотелось смотреть не отрываясь. Свет и сила исходили от него, словно окружая девушку ореолом. Недаром признанные красавицы французского, а теперь и английского двора испытывали невольное беспокойство, если рядом оказывалась Анна Невиль.

Сейчас она невозмутимо смотрела, как отец, стащив с подноса салфетку, разглядывает его содержимое.

– Что это за гадость?

– Рыбный бульон, овсяная каша, свежие лепешки с грибами, а в чаше – отвар из трав, который вам следует выпить перед сном.

Делатель Королей криво усмехнулся.

– Крест честной! Ты обращаешься со мной, как с роженицей. Что еще тебе наплел этот итальянский болтун? Клянусь преисподней, я все-таки велю завтра же отрезать ему язык.

По лицу Анны скользнула тень.

– Вы и пальцем не тронете его, отец, если еще не разучились ценить преданных людей.

– Его преданность должна опираться на умение молчать!

– Он и молчал. Но, видимо, слишком долго, если позволил вам довести себя до такого состояния.

Уорвик так сжал подлокотники кресла, что хрустнули суставы.

– Что ты имеешь в виду?

Анна ответила не сразу, но голос ее стал теплее:

– Отец, вы самый сильный человек из всех, кого я знаю. Имейте же мужество не лгать самому себе. Вам надо беречь себя, беречь ради Англии, ради меня, наконец... А этот итальянец... Он любит вас, отец, он вам многим обязан и не раз все обдумал, прежде чем испросить у меня аудиенцию и поведать о вашем теперешнем состоянии. По-видимому, он считает, что только я смогу упросить вас хоть на время оставить вредные привычки.

Уорвик угрюмо глядел на дочь.

– Хорошо. Я съем все это. Но обещай мне: все, что бы ты ни узнала о моей болезни...

Он не договорил – Анна улыбнулась ему, и, прежде чем Уорвик успел сдержать себя, он тоже улыбнулся ей в ответ. Произошло чудо. Эта улыбка вмиг растопила лед отчужденности между ними. Обежав стол, принцесса Уэльская повисла на шее отца.

– Люблю тебя! – со смехом воскликнула она. – Ты лучше всех на свете! Ты просишь меня... Я не вчера родилась, отец, и ты даже не подозреваешь, какие тайны умеет хранить твоя дочь!

Уорвик взял ее лицо в ладони, взгляд его стал глубоким и серьезным.

– Порой мне кажется, что знаю.

Он не отпустил ее, и тогда Анна, перестав смеяться, попыталась вырваться. Но Уорвик удержал ее.

– Тебе не кажется, дитя мое, что нам давно следовало поговорить об этом?

Она все же выскользнула из его рук.

– Что ж, может быть. Могу я хотя бы перед тобой похвастать, что мне обязан жизнью сам король Франции!

Уорвик поперхнулся бульоном. Анна же, как когда-то в детстве, забралась с ногами в большое кресло у камина и беспечно поведала о том, что произошло однажды во время охоты в Венсенском лесу, когда ей посчастливилось спасти короля Людовика от рогов затравленного оленя.

Уорвик хохотал.

– Ах, чертов лис Луи! А я-то ломал голову, с чего это он так спешно стал выпроваживать нас из Франции! Бедняга опасался, как бы девчонка не разболтала, что его миропомазанную особу едва не забодал олень!

Анна с улыбкой заметила:

– Выпроваживал он всех, а уехал ты один, оставив эту самую болтливую девчонку у него под боком. – Смех ее стих. – И тогда он сплавил нас в Амбуаз, подальше от двора.

Похоже, воспоминания о медовом месяце не вызывали у Анны радости. Перестал смеяться и Уорвик. Он молча ел, не глядя на дочь, слышал, как она встала, небрежным жестом перекинула через руку длинный шлейф, прошла по комнате.

– Брр... Как у тебя тут мрачно!

– Эта башня построена во времена Вильгельма Рыжего. Но я останавливался здесь, еще когда был жив мой отец – упокой, Господи, его душу. А мы, Невили, известны своим постоянством. Мне нравятся эти старые романские своды, эти мощные, не пропускающие звуков стены. Здесь можно спокойно все обдумать.

В наступившей после этих слов тишине слышны были только легкие шаги Анны. Взяв свечу, она расхаживала по коврам, разглядывала вышивку на гобеленах, касалась пальцем резных завитков буфета. На ней был модный остроконечный эннен²¹ с шелковистой вуалью, темно-зеленое бархатное платье без вышивки, и единственным украшением на принцессе была богато расшитая ладанка на груди. Уорвик задержал на ней взгляд и почему-то нахмурился.

Огонь в камине угасал. Стало прохладно. Уорвик допивал лечебный настой трав. Поверх чаши он смотрел, как Анна брала из большой корзины у камина поленья и, кинув их на угли, раздувала пламя маленьким мехом. Она делала это так просто и умело, словно не была принцессой Уэльской, а всю жизнь только и хлопотала у очага, занимаясь хозяйством.

Когда камин разгорелся, Анна вновь уютно уселась с ногами в кресло и стала беспечно болтать. Она негромко рассказывала своим по-мальчишески низким, чуть хрипловатым голосом о том, что делала за день: ходила смотреть зверей в лондонском Тауэре, потом присутствовала на представлении, которое давали в Вестминстере французские актеры. Они играли пьесу Плавта «Miles gloriosus»²². Латынь была ужасной, но все слушали, поскольку античные авторы стали входить в моду. Благородная Маргарита Бофор переводила лорду Стэнли реплики актеров. Оказывается, сей веселый лорд – сущий профан в латыни.

Уорвик хмыкнул:

– Впервые слышу. И думаю, ему просто хотелось добиться внимания благочестивой вдовушки из Уэльса.

Анна высказала свое мнение по этому поводу. Шестнадцатилетней принцессе казалось нелепым, что слывшая образцом добродетели Маргарита Бофор, строившая из себя такую недотрогу, вдруг начала кокетничать с женатым лордом.

²¹ Модный высокий головной убор.

²² «Хвастливый воин».

– Леди Маргарет, бесспорно, привлекательная дама, но, боже правый, на ней драгоценностей больше, чем в алтаре Собора Святого Павла! А ведь до того, как милейший Стэнли одарил ее своим расположением, едва не монахиню из себя корчила.

Уорвик смеялся:

– Маленькая брюзга! Посмотрим, как бы ты себя вела, будь ты молодой вдовой, да еще одной из самых богатых дам Англии.

– Окажись я вдовой? Гм.

Анна словно не заметила внимательного взгляда отца.

– Пожалуй, я бы тоже франтила. Особенно будь у меня такой ухажер, как Томас Стэнли. Право же, он очень мил, а глаза у него, как у мальчишки, несмотря на то что сед как лунь. Кто бы мог подумать, что он такой волокита! Отец, правду ли говорят, что тетя Элеонора очень плоха?

Уорвик не ответил, а Анна беспечно продолжала:

– Я никогда не жаловала тетушку Элеонору. Помнишь, как она запирала меня в чулан, когда я сажала ей на шлейф лягушек? И всегда твердила, что я безобразная, как пак²³. Посмотрела бы она на меня сейчас!

– Анна, твоя тетка умирает!

Девушка осеклась, Уорвик какое-то время пристально смотрел на дочь.

– Скажи-ка мне лучше, что ты думаешь о юном Ричмонде, сыне Маргариты?

Анна пожала плечами:

– В детстве мы играли вместе, но ныне он избегает меня. Я как-то наблюдала за ним – очень уж он важничает.

– И все время твердит, что он Ланкастер.

– Каким это образом?

– Через свою мать Маргариту. Она внучка Джона Гонта, герцога Ланкастера²⁴, и одно время, пока у Генриха VI и королевы Маргариты не было детей, а Йорки еще не заявили своих прав на трон, Маргарита Бофор была наследницей престола. Она также неслыханно честолюбива.

Анна склонила голову к плечу.

– Во всяком случае, сейчас ее интересуется только сэр Томас Стэнли, и она ради него вешает на себя все фамильные драгоценности Сомерсетов и Тюдоров²⁵.

– Дай бог, чтобы так дело и обстояло. Но никогда не следует упускать из виду возможного соперника.

– Даже если это женщина?

– Честолюбивая женщина. К тому же обожающая своего единственного сына, помешавшегося на том, что и он Ланкастер.

Анна поудобнее устроилась в кресле.

– По крайней мере, сейчас и Гарри Тюдор, и леди Маргарет более всего заняты своими амурными делами. Она только и помышляет, что о сэре Томасе, а он – о придворной даме своей матушки, баронессе Шенли.

Уорвик с отвращением допил отвар и покосился на буфет, где оставалась заветная бутылка асквибо. Но при дочери он бы не решился воспользоваться ею. Поэтому с безучастным интересом продолжил разговор:

– Я слышал, ты очень сблизилась с этой молоденькой вдовой?

²³ Карлик, лесной дух.

²⁴ Сын короля Эдуарда III Плантагенета (1312–1377).

²⁵ Отцом Маргариты Бофор был герцог Сомерсет, сын Джона Гонта от третьего брака; сама же она первым браком была замужем за Эдмундом Тюдором, графом Ричмондом.

Анна прикрыла глаза.

– Да. Помнишь, я рассказывала, как во время моего бегства от Йорков я со спутниками останавливалась в замке Фарнем в Нортгемптоншире? В тот день мы спасли ее от мужа, который хотел уморить ее голодом.

«Она словно избегает произносить вслух имя Майстрейва», – отметил Уорвик. Вслух же сказал:

– Надеюсь, ты не стала напоминать ей об этом? Послушай меня, Анна, лучше, если все как можно скорее забудут о том, что принцесса Уэльская, словно бродяга, скиталась по дорогам Англии в компании головорезов.

Анна взглянула на отца: в глазах ни тени прежнего легкомыслия, губы сжаты, подбородок упрямо поднят.

– Я полагаю, вы не забыли, отец, что меня сопровождал рыцарь, считающийся доблестнейшим воином Англии? А головорезы, о которых вы столь пренебрежительно отозвались, отдали свои жизни, оберегая меня.

– Аминь, дитя мое. Но не забывай, что сейчас ты слишком высоко поднялась, чтобы позволить толпе судачить о твоих похождениях. А тебя я попрошу и впредь не говорить баронессе Шенли, что именно ты, переодетая мальчишкой, спасла ее от мужа. Однако то, что вы напали на владельца замка, в то время как он приютил вас...

– О Святая Дева!

Анна стремительно вскочила, глаза ее сверкали.

– Приютил?! – Она сжала кулачки. – Он готовил преступление. Он хотел убить и нас...

– Но вы вмешались в его семейные дела, а всякий феодал свободен поступать в своих владениях, как ему заблагорассудится.

– Видит бог, это так! Но ни один христианин не имеет права губить своих близких. Именно потому проклят Каин, поднявший руку на Авеля. И не так уж давно господин Жиль де Рец был обвинен и казнен по доносу жены, которую намеревался убить²⁶.

– О, не надо приводить в пример французов! Если я не ошибаюсь, маршалу де Рецу вменялись в вину не только попытка покончить с супругой, но и множество других, куда более серьезных грехов, таких как колдовство и прочие языческие мерзости. Донос леди де Рец был лишь последней каплей. Однако вспомни, что, когда Элеонора Аквитанская²⁷ восстала против своего супруга, он заточил ее в Солсберийскую башню, где она провела долгие годы, хотя и была властительницей Аквитании и законной королевой Англии!

Анна вздохнула.

– Мы не о том говорим, отец. Ты ведь хочешь одного – чтобы все возможно скорее забыли о том, что я была всеми гонимой беглянкой. Пусть так и будет. И леди Дебора Шенли никогда не узнает, что принцесса Уэльская спасла ее от гибели. Мой дядя, маркиз Монтегю, тоже помалкивает о той истории, зато простой народ уже так расцвел своим воображением мой побег, что он больше походит на волшебную сказку, в которую никто не верит.

– Так оно и лучше, дитя мое. Честь леди всегда должна оставаться незапятнанной. И вдвойне, если в жилах леди течет кровь Невилей!

Анна хмыкнула:

– О да! Я каждый день только об этом и размышляю, когда встречаю в переходах Вестминстера герцогиню Йоркскую. Скажи, отец, приходится ли говорить о чести, когда ты сам превозносишь даму, позор которой подобен чудовищному наваждению? Может ли

²⁶ Жиль де Рец по прозвищу Синяя Борода (1404–1440), маршал Франции. Был сожжен на костре по обвинению в колдовстве и ритуальном детоубийстве.

²⁷ Элеонора Аквитанская (1122–1204) – герцогиня Аквитании и Пуату, с мая 1152 года жена короля Англии Генриха II Плантагенета. Прославилась своей красотой и необузданным нравом.

ниже пасть женщина, открыто кричащая о том, что изменила мужу и родила незаконного отпрыска?

Она подалась вперед, а Уорвик вдруг стал задумчив и спокоен. Гудело пламя в камине да временами слышалось завывание ветра. Огненные языки метались, отбрасывая неверные блики на лица отца и дочери.

– Ты так и не приняла герцогиню Йоркскую, хотя я просил тебя об этом?

– Никогда! Достаточно того, что я отвечаю на ее поклоны в церкви. Она или безумна, или не знает стыда.

Уорвик прикрыл глаза.

– Ты еще так молода, Энни. Но ты умна. Неужели ты не поняла, что, для того чтобы решиться на подобный шаг, нужны огромное мужество и исступленная любовь к сыну?

Анна растерялась. Уорвик встал и прошелся по комнате. Из полумрака донесся его голос:

– Ведь нетрудно понять, что герцогиня Йоркская этой ложью спасла голову сына.

Анна молчала. Отец подошел ближе и склонился над ней.

– Не поспеши тогда Сесилия Невиль объявить Нэда незаконнорожденным, не имеющим оснований претендовать на престол Плантагенетов, я не стал бы медлить с казнью, как бы ни отговаривал меня твой дядюшка епископ. А поскольку Эдуард сразу утратил все свои права и стал неопасен, то цена ему – пенни. Сесилия приняла позор, но сына-то она спасла!

Анна смотрела на отца во все глаза.

– Не может быть... – выдохнула она.

Уорвик рассмеялся.

– Еще как может. Она лгала, и я это знал. Это Нэд-то не Йорк? Улыбка отца, фигура отца, даже голос с годами стал как у отца. И поверь мне, если, упаси Господь, он вернется в Англию, уж он докажет, что он чистейший Йорк, а Сесилия поспешит подтвердить это.

– Но ведь это абсурдно!

Уорвик устало сел за стол.

– А что не абсурдно в этой неразберихе? Что ты вышла замуж за Ланкастера, мать которого казнила твоего деда? Или что Генрих VI назначил меня лордом-протектором и благословил управлять государством, хотя я же и водворил его в Тауэр, а перед этим позволил своим солдатам потешиться, набив бывшему монарху морду?

Анна встала и, в точности как только что ее отец, прошлась по комнате. Слышно было, как шуршит по ковру ее шлейф. Уорвик опустил отяжелевшую голову на руки и вновь подумал, как он устал. Он снова покосился на буфет, но Анна стояла рядом, и граф был вынужден отказаться от мысли налить себе чарку. Неожиданно он почувствовал, что злится на дочь, мешающую ему выпить. Эта мысль ужаснула его. Его девочка, Анна, любимое дитя... Нет, нет, она, безусловно, права, он должен вернуть свою силу, должен отказаться от пагубного пристрастия, иначе он все погубит... Однако странное напряжение продолжало расти в нем.

Анна подошла к маленькому столику у огня. На нем лежала увесистая книга в переплете из черной кожи, листы которой были скреплены подвижными зажимами. Это была трагедия Эсхила «Прометей прикованный». Уорвик любил это произведение, но вот уже несколько дней книга лежит на столике для чтения, а он все не находит времени раскрыть ее. Анна перевернула страницу и прочла первое, что попало на глаза:

– До той поры не жди конца страданиям,
Пока другой не примет мук твоих...

Уорвик резко вскочил, едва не опрокинув кресло:

– Замолчи!

Анна растерянно взглянула на него, а он заметался по комнате, затем остановился у буфета и, распахнув створки, схватил бутыль.

– Отец!

– Ко всем чертям!..

Он жадно выпил. Анна повернулась и пошла к двери.

– Стой!

Она остановилась, не оборачиваясь.

– Вернись, Энни!

– Уже поздно, и вы не в духе, отец. Я напрасно пришла.

Она так и не повернулась к нему. Тогда он подошел и обнял ее.

– Ты решила, что, как в детстве, прибежишь к отцу и все разом станет на свои места? Что я сделаю все, что ты хочешь, как бывало раньше? Но у маленькой девочки и желания были маленькие...

– И великий человек мог их исполнить, – сухо парировала Анна. – А когда речь зашла о чем-то серьезном...

Уорвик какое-то время молча смотрел на нее и наконец произнес сквозь судорожно сжатые зубы:

– Анна, я не могу не пить.

Она съежилась. Если ее отец сказал это...

– Тогда ты умрешь, – выдохнула она.

Он повернулся, взял бутыль и снова глотнул из нее. Поморщился, прикрыл рот тыльной стороной ладони, а потом сказал:

– Это не важно. Я слишком устал от своей ноши, но сбросить ее меня не заставит никто на свете. Мне нужны силы, а их мне дает лишь это. Пусть я умру, но до этого я сделаю тебя королевой!

– Мне не нужна корона ценой твоей жизни.

Уорвик хватил кулаком по столу:

– Молчи! Ты не понимаешь, что говоришь! Девчонка. Я потратил жизнь на это... Что может быть желаннее?

– Что?

Анна крепко зажмурилась.

– Я ездила в Оксфордшир, отец, во владения рыцаря Саймона Селдена.

– А, знаю... Сельский дворянин и рубака. Он был в Лондоне, когда я освобождал короля из Тауэра.

Анна улыбнулась:

– Да, он верный сторонник Алой Розы. И счастливый семьянин. У него красавица жена, семь дочерей, а недавно родился сын, наследник. Наверное, я бы тоже так хотела...

– Женщина редко хорошеет, народив такую кучу детей, – заметил граф.

– И все же леди Селден просто диво как хороша, так ее красит счастье. И я завидую ей.

Уорвик хмыкнул.

– Твоя зависть не обоснованна. Дети? Учти, женщины в нашем роду плодовиты и ты еще нарожаешь супругу кучу маленьких Ланкастеров. Или... – он сделал значительную паузу, не сводя пристального взгляда с лица дочери, – или ты желаешь, чтобы твои дети носили имя Майсгрейвов?

Анна повернулась столь стремительно, что длинный шлейф змеей обвился вокруг ее ног. Щеки ее побледнели, но зеленые глаза засияли еще ярче.

– Майсгрейв мой спаситель и друг!

– И только-то?

Лицо графа стало жестким.

– Я еще не забыл, что творилось с тобой, пока он оставался в Париже. А как ты повела себя, едва он отбыл? Ты как безумная поскакала за ним, ничего не соображая, ни о чем не помня. И нынешний твой неожиданный приезд... Не к нему ли ты примчалась, оставив супруга за морем? Но ты прогадала. Ибо твой рыцарь, Анна, отбыл в Бургундию вместе с Йорками.

Уорвик подошел к дочери и коснулся вышитой ладанки на ее груди.

– Ты ведь никогда не расстаешься с ней, Энни?

Девушка облизала внезапно пересохшие губы.

– В ней, как ты знаешь, хранится реликвия – частица Креста, на котором был распят Спаситель.

– И ее преподнес тебе этот йоркист, сэр Филип Майсгрейв!

Казалось, еще миг – и Анна расплачется. Она мелко дрожала, кусая губы. И Уорвик со вздохом отступил.

– Как бишь там писано в деректалиях: «*Facionora ostendi dum punientur, flagitia autem absondi debent*»²⁸.

– Отец, ты не должен...

Он жестом заставил ее умолкнуть.

– Ради всего святого!.. Ты, кажется, готова сунуть руку в огонь в подтверждение очевидной лжи. Но не беспокойся, я больше не стану попрекать тебя Майсгрейвом. Я молчал целый год, молчал бы и сейчас, если бы ты не переступила границу, не сбежала от супруга, забыв о своих обязанностях. Ты преступно легкомысленна. За эти два месяца, что ты провела в Англии, ты не удосужилась ответить ни на одно из писем Эдуарда.

– О, у Уорвика везде шпионы, – иронично заметила Анна. – Даже в окружении его дочери.

– Не сомневайся, – подтвердил граф. – Так вот, дитя мое. Я рассчитывал на тебя как на союзницу в этой игре. Мы говорили об этом год назад. И ты должна была оставаться во Франции и любыми средствами заставить Эдуарда поспешить мне на помощь. Он бы тебя послушал, потому что все еще влюблен.

– Это в прошлом, – сухо заметила Анна.

– Что значит – в прошлом? – вскричал Уорвик.

Анна усмехнулась.

– Моя венценосная свекровь заявила, что я скверная жена, а Эдуард слишком преданный сын, чтобы не согласиться с матушкой.

Уорвик медленно приблизился к дочери.

– Значит, ты действительно была плохой женой.

Он смотрел ей в лицо, и девушка отвела взгляд. Уорвик внезапно выругался:

– Ты упряма, как сотня мулов! Как можно быть столь строптивой, чтобы не повиноваться мужу, которому принадлежишь душой и телом и который к тому же принц крови!

Анна вдруг вскинула голову. В ее глазах пламенел вызов.

– Я не хочу быть королевой, милорд!

Тотчас тяжелая пощечина швырнула ее на пол. Уорвик, казалось, и сам не ожидал такого от себя. Он глядел в растерянные, полные слез глаза дочери и молчал. Анна всхлинула. Тогда он поднял ее и судорожно обнял.

– Никогда, Энни, ты слышишь – никогда больше не смей произносить этих слов! Ты будешь королевой! Верь мне. Я даже велел составить твой гороскоп, и там это начертано так же ясно, как и то, что я люблю тебя больше жизни.

Анна закрыла лицо ладонями. Потом вдруг сказала:

²⁸ «Я обнаружил проступки, дабы наказать за них, но позорные дела следует прятать» (лат.).

– Дай мне глоток твоей асквибо, отец.

Он удивленно взглянул на нее.

Анна попыталась улыбнуться сквозь слезы.

– Ты ведь пьешь, когда тебе плохо? Вот и я не хочу, чтобы мне было плохо, когда я с тобой.

Уорвик нерешительно достал из буфета два кубка. Налил себе и дочери.

Асквибо явно не пришлась Анне по душе.

– Надо быть диким, как горец, чтобы глотать подобную гадость.

– Покорнейше благодарю.

Какое-то время они глядели друг на друга. Их окружала полнейшая тишина. Даже огонь в камине горел ровным беззвучным пламенем. Откуда-то снаружи донесся далекий крик лодочника на Темзе.

– Завтра день святого Давида, первое марта. Весна! – негромко произнесла Анна.

Уорвик коротко взглянул на дочь.

– Обещай мне, что завтра же напишешь Эдуарду нежное письмо. Ты должна мурлыкать, как кошечка. Он под каблуком у Маргариты, не спорю, но влюблен-то он все же в тебя, или же мои глаза ничего не видят и годятся лишь воронью.

Анна молчала.

– Девочка...

– Хорошо. Я напишу мужу, хотя, Господь свидетель, это мало чему поможет.

– Не говори так! Эдуард Уэльский обязан прибыть в Англию, он должен мне помочь. В противном случае его опередит Йорк, и тогда я не поручусь, что моя голова не окажется на Лондонском мосту.

Анна вздрогнула.

– Нет. Вы, милорд, сильнее всех. И это вы Делатель Королей!

Уорвик печально усмехнулся:

– Не притворяйся глупее, чем ты есть, Энни. С тобой я откровеннее, чем с кем-либо. Я устал, я измотан, болен и...

– И ты тем не менее пьешь!..

Анна так стукнула кубком по столу, что расплескала водку.

– Клянусь святым Давидом, отец, что завтра я напишу Эду. Но при одном условии: обещай мне, что несколько дней, хотя бы неделю, ты не будешь пить. И не говори мне ничего. Молись, уповай на Бога, уйди в дела, спи, принимай послов, скачи в дальние гарнизоны, но не пей.

Уорвик поднял бровь:

– Что это, юная леди? Вы ставите условия?

– Да. Ты мой отец, и у меня нет выбора.

Уорвик усмехнулся:

– Это шантаж, дитя.

Анна негодуяще взмахнула рукой:

– Ах, отец, не стоит касаться моральных устоев, которые ты сам давно расшатал. Всем известно, что Уорвик никогда ничего не делает просто так.

– Это политика, дитя.

– Надеюсь, мне как будущей королеве полагается это знать.

И она, почти в точности как Уорвик, подняла бровь. Граф засмеялся:

– Что ж, твоя взяла. Как политик я нахожу твоё предложение выгодным и соглашаюсь на него.

В тот же миг Анна швырнула бутылку с асквибо в огонь камина. Уорвик проследил за ее полетом.

– Procul ex oculis, procul ex mente!²⁹ – смеясь, воскликнула Анна.

Уорвик хмыкнул:

– Ты что же, думаешь, у меня нет другой?

– Да хоть дюжина. Это не важно. Главное – у меня есть твое слово.

Какое-то время они с улыбкой глядели друг на друга.

– Уже поздно, Анна. Ступай к себе.

Анна приблизилась к отцу и подставила лоб для поцелуя.

– Храни тебя Господь, дитя мое!

– Да пребудет Он и с тобой, отец!

Подхватив шлейф, она быстро пошла к двери. Высокая, стремительная, легкая. Уорвик с печальной нежностью глядел ей вслед.

Ни отец, ни дочь не знали, что это была их последняя встреча.

²⁹ С глаз долой – из сердца вон! (*лат.*)

3. Трудное письмо

Огромная спальня в семь квадратных туазов была полна бликов солнечного света, пробивавшегося сквозь цветные стекла витражей. Но даже эта пестрота не могла скрыть строгой холодности опочивальни принцессы Уэльской.

Резная мебель красного дерева отражалась в блестящих черно-белых плитах пола. В простенках между ларями и буфетами возвышались тяжелые кованые канделябры. Стены были украшены потемневшими от времени фресками с изображениями сцен из Ветхого Завета. Посреди опочивальни стояла кровать – огромное, вознесенное на подиум, подобное мавзолею сооружение. Бордовые узорчатые складки полога увенчивало декоративное навершие в виде короны, внизу они были схвачены шелковыми шнурами, крепившимися к головам золоченых грифонов с рубиновыми глазами и когтями. В недрах этого необъятного ложа под затканым золотом и жемчугом, как церковная риза, одеялом спала Анна Невиль.

В первые дни она старалась не оставаться в одиночестве в этом огромном, сверх меры пышном помещении и держала при себе одну из фрейлин. Но, после того как ее сестра Изабелла заметила, что подобной робостью она умаляет свое величие, Анне пришлось отказаться от этого. Зато никто не мог возразить против того, чтобы она оставляла на ночь в опочивальне собак отца. Рядом с этими преданными друзьями ей было не так страшно находиться среди изображенных на фресках картин: на них грешники погружались в воды потопа, Исаак заносил над сыном кинжал, Самсон и филистимляне гибли под руинами храма – их фигуры казались призрачными в мигающем свете ночника. Завывание ветра в каминной трубе, странные звуки в темных углах за пологом и гулкое эхо ее собственного голоса под высоким затемненным сводом только добавляли страха. Собаки же вносили жизнь в могильный сумрак, их движения, вздохи и посапывание успокаивали Анну.

Вот и сейчас три огромных мастифа, пятнистый немецкий дог, две овчарки и несколько поджарых борзых устроились на покрывающем ступени подиума ковре, но лишь маленькому шпицу с забавной острой мордочкой и длинной белоснежной шерстью было разрешено взобраться на ложе и свернуться клубком в ногах принцессы.

Шпиц повернул голову и наострил уши. Анна пошевелилась. Ее длинные темно-каштановые волосы разметались на подушках. Наконец она открыла глаза и улыбнулась.

Как бы ни шли дела, но просыпалась Анна Невиль неизменно счастливой. Восхищение каждым новым днем переполняло ее. Мысли путались со сна, и она была словно младенец – беззаботный, невинный и чистый. Все это исчезнет через минуту, когда мучительная реальность повседневной жизни обступит ее и она вновь почувствует одиночество, на которое обречена высокородная принцесса Уэльская, будущая королева Англии.

Белый шпиц, дождавшись пробуждения хозяйки, принялся с лаем прыгать по огромной кровати. Бубенчики на его ошейнике заливисто звенели. Залаяли, вскакивая, и другие псы. Немецкий дог уперся передними лапами в край постели и, высунув язык, задышал едва ли не в лицо Анне. Один глаз у него был аспидно-черный, другой серый.

– Фу, Соломон! – проворчала Анна, перекатившись на другой бок. – Изydi, вместилище скверны!

Соломон радостно завилял хвостом и не двинулся с места.

Обычно именно лай собак возвещал свите, что принцесса пробудилась. Приоткрывалась дверь, и на пороге появлялась тучная фигура ее первой статс-дамы леди Грейс Блаун.

– Ваше высочество изволит вставать?

– Я позову вас попозже. А пока выпустите собак.

Это повторялось изо дня в день. Анна упрямо боролась с принятым при дворе распорядком и позволяла себе с утра немного понежиться в постели. Леди Блаун всякий раз, когда

ей вменялось в обязанность выпускать из опочивальни собак принцессы, сердито сопела. Девушку это забавляло, хотя, с другой стороны, она немного побаивалась родовитой дамы. Ее дед был казнен после так называемого «рождественского заговора» против Генриха IV, первого короля из династии Ланкастеров, а его внучка всю жизнь служила Ланкастерам. Что ж, при дворе правят свои законы, друзья и враги идут на компромиссы, уступают друг другу, забывают о принципах и неотомщенных тенях предков.

Следом в опочивальню явился истопник, молодой разбитной парень, но хромой и ссутулившийся. Его звали Дик, и Анна в шутку прозвала его Глостером. Ему это понравилось, и он часто запросто болтал с принцессой. Пока Анну не окружили придворные дамы, не затащили в атлас и парчу, она оставалась просто веселой девушкой и любила пошутить с истопником, пока он чистил камин и раздувал тлеющие под пеплом угли.

– Что нового в Лондоне, Глостер?

– Левого ангела в боковом приделе собора Святого Павла будут менять.

– С чего бы это? Его же только на прошлой неделе установили.

– Башмак ему жмет.

– Что?

– Башмак жмет.

Анна захохотала.

– Ты богохульствуешь, плут!

– Говорят, папы в Риме еще не то вытворяют.

– Твой исповедник опять читал тебе «Декамерон»?

– Да, а я угощал его мартовским элем в таверне возле круглой церкви Темпла.

Они перебрасывались шутками и смеялись. Потом он развел огонь в камине и с поклоном удалился. Когда истопник вышел, в дверь белым клубком влетел ее шпиц и с разбегу кинулся к Анне.

– Ах, Вайки! Что ты делаешь? Тебе хотя бы вытерли лапы?

Песик смотрел на нее веселыми смородинками глаз. Язык его свисал набок, так что казалось, будто он улыбается хозяйке. Анна погладила шпица, и тот лизнул ей руку. Но лицо девушки внезапно омрачилось. Вайки был подарен ей Эдуардом Уэльским перед самой свадьбой, и сейчас, играя с ним, Анна вспомнила мужа и свое вчерашнее обещание отцу написать Эдуарду.

Эдуард... Анна прикрыла глаза. Как она сможет писать ему, после того что он окончательно погубил все, что было между ними? А ведь она так надеялась, что полюбит его, привыкнет к нему и станет ему доброй и верной супругой. Она ничего не говорила отцу, граф и сам все понимал, хотя и не мог знать, через какие унижения и обиды ей пришлось пройти там, во Франции... Видит бог, она долго, слишком долго терпела, считая, что во всем виновата лишь она сама. Но после того, что случилось в Амбуазском замке...

Анна помнила разочарование, какое постигло Эдуарда в их первую брачную ночь. Он откинулся на подушки и долго не сводил взгляда с ночника под пологом. Потом вдруг проговорил с необычайной для этого легкомысленного юноши суровостью:

– Никогда не думал, что мне придется взять в жены шлюху!

Анна заплакала. Эдуард не глядел на нее, затем встал и, вынув из ножен маленький кинжал, сделал надрез на предплечье. На простыне появились пятна крови, и он, по-прежнему не глядя на новобрачную, сказал:

– Честь принцессы Уэльской не должна быть запятнана подозрениями.

Анна во все глаза смотрела на мужа. В тот миг ей показалось, что она любит его.

– Эдуард! – Она бросилась к нему, обняла, но принц грубо отшвырнул ее прочь.

– Не прикасайся ко мне, тварь!

Она плакала и молила о прощении, а он, нагой, метался по спальне, понося ее последними словами. Потом лег и отвернулся. Анна прижалась к нему и всхлипывала, пока не уснула.

Утром она проснулась, почувствовав на себе пристальный взгляд мужа. Эдуард, уже одетый, сидел в кресле и не сводил с нее глаз.

– Скажи, Энн, – произнес он неожиданно мягко, – скажи, не Йорки ли это сделали? Или это случилось в дороге, когда ты была слаба и беззащитна? Это было насилие, да?

Наверное, следовало бы солгать. Но для Анны были слишком дороги воспоминания о ее первой ночи любви с Филипом Майсгрейвом. И она промолчала. Тогда Эдуард стал трясти жену так, что ее голова замоталась на тонкой шее.

– Отпусти! – вдруг неистово закричала она. – Отпусти меня!

Принц снова оттолкнул ее. Казалось, еще миг – и Эдуард расплачется. Анна опять ощутила острую жалость. Она легко прикоснулась к нему, но он резко поднялся.

– Не забывай, что теперь ты тоже из дома Ланкастеров, – сухо сказал он и добавил: – Я пришлю к тебе твоих дам.

В тот день Анна была бледной и молчаливой. Впрочем, все сочли, что так и полагается для новобрачной, а Эдуард при посторонних был любезен и даже ласков с ней. О, он вовсе не был так легкомыслен, как считал ее отец, и не преминул сообщить обо всем своей матери. Однако и Маргарита держалась с ней приветливо на людях. Когда же они остались наедине, королева, окинув Анну ледяным взглядом, гневно бросила:

– Дочь подлеца! Потаскуха!

– Этот подлец проливает за вас кровь! – не выдержала Анна.

– Всей его крови не хватит, чтобы смыть с тебя грязь и бесчестье! – парировала королева.

Анна закусила губу. Ей стоило огромных усилий удержаться, чтобы не напомнить свекрови то, что она слышала о ее связи с графом Саффолком, когда Маргарита была еще невестой короля Генриха. Королева и сейчас не слывет образцом добродетели: пока ее супруг томился в Тауэре, она сменила добрую дюжину фаворитов. Но принцесса смолчала. К чему подливать масла в огонь? Она виновата и теперь должна безропотно нести свой крест.

Ее отец ни о чем не догадывался. Остальные трое успешно справлялись со своими ролями. Лишь Эдуард перестал, как раньше, открыто восторгаться Делателем Королей да Маргарита не приглашала больше невестку в свои покои.

Анна по-прежнему пользовалась большим успехом при дворе, и лесть, которой ее окружали, в известной мере придавала ей сил, позволяя высоко держать голову. К тому же она все еще надеялась вернуть любовь мужа. И порой действительно ловила на себе его долгие пристальные взгляды. Но Эдуард был бесконечно предан матери, а та только и твердила, что он оказал дочери Уорвика неслыханную честь, она же недостойна даже омыть ему ноги. Принц верил матери и все более проникался презрением к молодой жене.

Никто, даже отец, не знал, сколько слез пролила Анна в ночные часы. Но вскоре Уорвик отбыл в Англию, а двор Маргариты и Эдуарда по приказу короля Людовика переехал в город Амбуаз, где королева могла дать полную волю своей ненависти к дочери Делателя Королей.

Это было ужасное время. Лили дожди, плохо устроенные каминные дымоходы в замке дымили, а Эдуард Уэльский постоянно пропадал на охоте или пьянствовал в казарме с солдатами. Анну держали под замком. Но она была этому даже рада, ибо это избавляло ее от постоянных унижений. Целые дни проводила она в одиночестве, глядя на серое дождливое небо, вспоминала, мечтала... Порой она даже улыбалась своим мыслям.

Ее почти не беспокоили. Иногда она прогуливалась по зубчатой стене замка, разглядывая окрестности. Город Амбуаз был красив, замок возвышался над ним на высокой скале. Прислужники рассказывали Анне, что некогда в этих местах бывал Юлий Цезарь и просла-

вил местные пещеры, используя их в качестве хранилищ зерна для своей армии. Все это было так давно, но пещеры и по сей день называли амбарами Цезаря.

Вскоре пришло известие, что Уорвик победил. В замке Амбуаза был устроен пир, Анна была звана к столу, и Эдуард впервые после брачной ночи посетил жену.

– Теперь мы почти на троне, – хрипло сказал он, – и дом Ланкастеров должен получить наследника.

Встретив растерянный взгляд Анны, принц сухо добавил:

– Моя мать так считает!

Но в ту ночь Анна с удивлением поняла, что принц все еще равнодушен к ней. Это и обрадовало, и огорчило ее. Огорчило потому, что сама-то она не испытывала никаких чувств к мужу. Она была покорна и послушна его воле, старалась быть ласковой, но того упоительного счастья, какое она познала в объятиях другого, не было. И когда Эдуард уснул, она молча глядела в сводчатый потолок, и из ее глаз лились тяжелые, жгучие слезы.

После победы Уорвика к Ланкастерам стали относиться с особым почтением. Королева Алой Розы торжествовала. Наконец-то ей были оказаны те почести, которых она так жаждала!

Здесь, в Амбуазе, королева впервые заговорила с Анной о том, что та должна приложить все усилия, чтобы как можно скорее понести от Эдуарда. Анна покраснела и уставилась в пол. Это взбесило Маргариту.

– Нечего жеманничать! Небось, когда тебе до свадьбы задирали подол, ты не была такой стыдливой!

Анна убежала вся в слезах. А вечером Эдуард слово в слово повторил то, что сказала его мать. Тогда Анна впервые вспылила:

– Да, тогда мне было слишком хорошо. И слава богу! Ибо с тех пор я больше не познала, как мужчина может сделать женщину счастливой!

Эдуард стал белее горностаевого меха на его камзоле, и Анна вдруг испугалась того, что сказала.

– Прости, Эд! Прости. Я не хотела, это со зла... Все что угодно, только прости меня!

Но он ушел и после этого случая стал избегать ее. Причем впервые его мать не узнала о происшедшем. Зато до Анны дошли слухи, что он развлекается с другими женщинами. Но это не возбудило в ней ревности, скорее она опять почувствовала жалость к нему. «Пусть лучше так. Быть может, они дадут ему то, чего не смогла дать я».

Так прошел месяц. Маргарита по-прежнему ни о чем не догадывалась и иной раз осведомлялась у Анны, не беременна ли она. Ее даже показывали лекарю. Анна позволяла делать с собой все что угодно и в то же время жила в сильнейшем напряжении, беспрестанно ожидая чего-то.

Это продолжалось до того вечера, когда двор отправился в Бурж, а королева Маргарита, сославшись на недомогание, осталась в Амбуазе. Эдуард, как всегда, не решился ехать без матери. Осталась и Анна. Она не могла не видеть, что Маргарита Анжуйская вовсе не больна, недуг ее выдуман для того, чтобы не следовать на зов Уорвика в Англию, на чем настаивал и французский монарх.

На закате поднялся ветер. Землю сковал мороз. Кутаясь в подбитую мехом накидку, Анна бродила по темным переходам замка в поисках своего любимого шпица. Неожиданно она оказалась в узком покое, освещенном пламенем камина, и увидела королеву. Анна застыла. Такой свою свекровь она еще никогда не видела.

Королева сидела, раскинувшись в широком кресле. Рядом с ней стоял столик с кувшином вина и чашей. Маргарита была пьяна. Ее неизменного траурного покрывала не было и в помине, и черные с проседью волосы в беспорядке падали на ее лицо и плечи. Ощувив в комнате чье-то присутствие, Маргарита оглянулась и, узнав невестку, жестом велела подойти.

– Садись! – приказала Маргарита. – Садись, я буду говорить с тобой.

Анна нерешительно переступила с ноги на ногу.

– Вам нехорошо, матушка. Лучше я пойду к себе.

– Садись! – почти прорычала королева.

Она глядела на невестку затуманенным взором жгучих черных глаз. Анна слышала, что прежде Маргарита одним взглядом сводила с ума мужчин, а теперь даже ее признанный фаворит, обер-камергер графа Руссийонского, предпочел оставить ее, чтобы отпраздновать Рождество со всем двором в Бурже.

Анна села.

– Ты знаешь, о чем мне пишет твой отец?

Девушка едва заметно кивнула:

– Он хочет, чтобы вы со свежими силами поспешили в Англию.

Королева внезапно захохотала:

– О да! Этот Медведь хочет, чтобы я примчалась к нему и лизала ему руки, будто ручная волчица. Тщетные упования! Я не поеду! Я не намерена подчиняться ему. Протектор королевства! При живом короле, королеве и взрослом наследнике! Англия еще не знала подобного позора! Он решил, что у него довольно власти, чтобы повелевать всеми и диктовать свои условия. Этому не бывать! Делатель Королей! Паршивый ублюдок, дьяволово отродье!

– Ваше величество! – Анна резко встала. – Вы забываетесь. Вы до сих пор остаетесь королевой Англии лишь потому, что существует Делатель Королей.

Маргарита медленно поднялась. Ее лицо было искажено яростью, но Анна больше не боялась ее. Эта женщина может поносить и унижать ее сколько угодно, но она не стоит и мизинца ее отца.

Маргарита заговорила неожиданно ровно:

– Силы небесные! Что происходит? Эта маленькая сучка осмеливается затыкать рот миропомазанной особе? Ты, уличная дрянь, пустышка, до сих пор не сумевшая понести дитя...

– Осмелюсь напомнить, – вскинула голову Анна, – что вы, ваше величество, лишь через восемь лет после бракосочетания с Генрихом VI произвели на свет наследника, да и того парламент признал только после продолжительных прений, ибо опасался объявить наследником престола бастарда!

В следующий миг она ахнула.

Она не слышала, как вошел Эдуард. Он лишь недавно вернулся с охоты, был в охотничьих сапогах, в руке держал хлыст. Принц слышал последние слова Анны и не раздумывая обрушил на нее удар. От нестерпимой боли Анна отскочила в сторону. Ее охватила обида, злость и отчаяние.

– Сожалею, Эдуард, что до вас не дошли известия об этом. Но вы ведь еще ребенком оставили Англию, а в Лондоне подобные события помнят долго.

Принц дрожал от гнева.

– Тварь! Змея! Как смеешь ты оскорблять мою мать?

Маргарита Анжуйская и ее сын стояли рядом. Мать и сын, боготворившие друг друга и ненавидевшие ее. Лица обоих пылали гневом, и впервые Анна увидела, как они похожи. Маргарита и ее нежный сын. Нежный? Анна вдруг вспомнила рассказы о том, что еще ребенком он отдавал приказы казнить пленных, а его мать довольно соглашалась.

Принцесса невольно попятилась. Эти двое... Куда девалась та благонравная властительница, что благословляла ее в день свадьбы? Где тот веселый влюбленный юноша, который забавлял ее шутками и платил музыкантам, чтобы они играли под ее окнами ночи напролет?

«Сейчас они убьют меня», – испугалась Анна.

Второй удар хлыста ожег ее пламенем. Она неистово закричала. Однако удары сыпались на нее один за другим. Анна закрылась руками, но это не помогало. меховая накидка упала, и на плечах ее вспухали багровые, кровоточащие рубцы. Сквозь слезы Анна увидела столпившихся в дверях слуг. И вдруг откуда-то из-под ног у них выскочил маленький белый шпиц и с яростным лаем бросился на принца. Эдуард отшвырнул его ударом ноги. Но Вайки снова кинулся на него и стал терзать его сапог.

Как ни странно, это привело Эдуарда в чувство. Его рука с занесенным хлыстом повисла в воздухе, он побледнел, затем внезапно наклонился и, схватив шпица за загривок, поднял его. Вайки рычал и лязгал зубами.

– А ведь это я подарил его тебе, – невнятно проговорил Эдуард. – Я так любил тебя, Энни, а ты была холоднее льда в моих объятиях. Ты... С тем другим тебе было лучше?

Анна вдруг увидела, что по его щекам текут слезы.

– Вон, пошли все вон! – вдруг раздался голос Маргариты. Вытолкав слуг за порог, она с грохотом захлопнула дверь комнаты.

– Что ты сказал, Эд? – глухо переспросила она.

Принц опустил голову. Вайки вырвался и стал метаться по комнате, заливаясь неудержимым лаем.

– Что она тебе говорила? – спросила королева.

– Она не любит меня, – сказал принц тихо.

– Не любит? Так заставь ее полюбить! Здесь же, сейчас, на полу! Ей нравится, когда с ней так обращаются. Возьми ее, Эд! Я хочу видеть, как будет зачат новый Ланкастер!

Она теребила его, не отпускала:

– Ну же! Ведь ты мой сын, а я всегда добивалась того, чего хотела. Будь же мужчиной! Она твоя жена, твоя вещь, твоя собственность!

Эдуард поднял голову. Анна увидела отразившееся в его глазах пламя камина. Он странно смотрел на нее. Маргарита кричала, требовала, и Эдуард спокойно улыбнулся. Шпиц захлебывался лаем.

«Если это произойдет, – подумала Анна, – я погибла. После того как они напугают меня, они сделают со мной все, что захотят!»

– Ненавижу, – процедила она сквозь сжатые зубы. Это слово будто придало ей сил. Она шагнула к камину и выхватила оттуда пылающую головню.

– Ну! – крикнула она. – Давай, Эд! Ты ведь ничем не лучше горбатого Глостера. Ты тоже хочешь мне отомстить? Покорить меня?

Эдуард вдруг замер. Застыла и королева. Лишь звонко лаял Вайки.

«Пресвятая Богородица! Они решили, что со мной это сделал Глостер!»

Но Анна уже не владела собой.

– Ненавижу вас! – закричала она и взмахнула головней так, что с нее на ковер посыпались искры.

Эдуард отступил, попятилась и королева. Тогда Анна, воспользовавшись моментом, швырнула наугад головню и, распахнув дверь, со всех ног кинулась прочь. Морозный воздух опалил ей плечи и щеки. Она бежала что было сил и остановилась лишь в своей комнате, задвинув за собой засов.

Благодарение Богу, ее не преследовали. Но она уже знала, что сделает. Накинув на плечи меховой плащ с капюшоном и прихватив кошель с деньгами, она бесшумно выскользнула за дверь. Надо спешить, пока они не опомнились. Да и почему бы им предполагать, что она решила сбежать, а не рыдает у себя в комнате? Нет, она слишком долго была покорной. Ланкастеры еще не знают настоящей Анны Невиль!

Небо над Амбюзом было огненно-красным. Ворота замка еще не запирали на ночь. Анна спешила. Испуганным выражением ее лица конюх послушно оседлал ей белого ино-

ходца. И только тут она заметила, что под ногами вертится Вайки. Она вспрыгнула в седло и приказала подать ей шпица. Затем расспросила у конюха дорогу на Бурж. Пусть все думают, что она отправилась туда. Ей надо выиграть поначалу хоть немного времени, хотя за ее иноходцем не так-то просто угнаться.

Копыта коня звонко зацокали по плитам двора, а затем прогремели по настилу моста. Дальше дорога шла под уклон, вдоль Луары, казавшейся от заката кроваво-красной.

В какой-то миг она различила далеко позади зовущий голос Эдуарда:

– Анна! Анна!

Пришпорив лошадь, она рванулась вперед, и свист ветра заглушил этот зов.

Она скакала с рассвета до позднего вечера, останавливаясь в маленьких постоянных дворах при дороге. Ехать ночью она опасалась, но днем неслась, нигде не замедляя хода. Боясь погони, Анна часто принималась петлять по дорогам, но день сменялся днем, и страх исчез. За спиной же словно крылья выросли.

«Я еду домой. И там, только там я встречу его...»

В Кале господин Венлок, наместник ее отца, разинул рот от изумления, когда она ворвалась к нему, измученная, растрепанная, со шпицем на руках.

– Милосердный Боже! Ваше высочество...

Над проливом сыпал мелкий дождь, но Анна улыбалась и подставляла лицо бризу. Она возвращалась домой, в Англию. Там ее отец... И там Филип...

Ссора с отцом после прибытия обескуражила ее. Уорвик потребовал от нее вернуться к супругу, Анна же скорее откусила бы себе язык, чем поведала ему о своих отношениях с Ланкастерами. А теперь... Теперь она дала слово написать письмо. Письмо Эду!..

Откинув одеяло, она села. Вайки, звякнув бубенчиками на ошейнике, спрыгнул на пол. Девушка встала. Гофрированная рубашка из белого батиста облегла ее до пят. Она сунула ноги в меховые туфли и пошла к столу, где возвышался массивный письменный прибор и лежали наготове листы пергамента.

– Я напишу это письмо... Я напишу это письмо... – твердила она, как заклинание.

Она вспомнила Эдуарда. Серые глаза, гладкие душистые волосы до плеч, персиковый румянец, как у девушки. «Он казался завидным женихом, – думала она. – И отец уверен, что Эд любит меня. Я должна написать ему так, чтобы он примчался в Англию на помощь отцу».

Она обмакнула перо и начертала:

«Высокочтимый принц Уэльский! Я, Анна, супруга вашего высочества, справляюсь о вашем здравии и...»

Анна сжала виски пальцами и швырнула лист в огонь. Несколько мгновений она глядела, как скручивается и темнеет в пламени пергамент. Она вспоминала письма, которые присылал ей Эдуард в эти два месяца. Поначалу тон их был тревожным, даже нежным. Упреков не было. Лишь неотступно звучал вопрос: кто был до него? Ричард Глостер или... Филип Майсгрейв? Это имя возникло не сразу, но Анна была до того напугана, что не стала распечатывать последующие письма, сразу кидая их в камин. Тогда Эдуард прислал ей записку через своего отца – короля. Записка была сухой, официальной, но Анне сразу стало легче. Пришло даже послание от королевы Маргариты – любезное, полное литературного красноречия. Анжуйка владела живым и легким стилем. Письмо было написано на латыни. Но и ей Анна не стала отвечать. И вот теперь отец приказал...

«Я должна написать нечто такое, чтобы Эд приехал как можно быстрее. Но что? Может, следует пробудить его ревность?»

Вайки расположился на полу там, где лежало солнечное пятно. Анна посмотрела в окно и вдруг сообразила, что сегодня первый день весны и впервые после бесконечных дождей выглянуло солнце. Она улыбнулась. С солнцем возвращается надежда. Филип... Она летела к нему, как на крыльях. Анна прикрыла глаза, вспоминая его смуглое скуластое лицо, пря-

мой нос, пронзительно-синие глаза под прямыми стрелами бровей, мягкие и пышные, как заросли папоротника, волосы. Фил...

Неожиданно она потянула к себе новый лист пергамента и начала быстро писать:

«Мне плохо без тебя! Я даже не представляла, какая тоска охватит меня, когда тебя не будет рядом. Ты смеялся вместе со мной, как мальчишка, а в глазах твоих была нежность. Я, наверное, глупая, но ничего не могу с собою поделать и медленно умираю вдали от тебя. Как ты был не прав, допустив эту разлуку, как был не прав, воздвигнув между нами столько препятствий! Ибо недаром Провидению было угодно, чтобы глаза наши встретились, а сердца забились в унисон. Ты нужен мне, мне нужно твое дыхание, твои руки, твои губы... Знай, что я всегда твоя, что не было мгновения, когда я не жила тобой, мой любимый, мой...»

Она едва не вывела: «Фил». Смахнула тыльной стороной ладони слезы и твердо вписала: «Эд». И сейчас же расплакалась навзрыд. Все это было ложью. Ее супруг не заслуживал столь явного обмана, каковы бы ни были их отношения. Но иначе она не сможет заставить Эдуарда поспешить отцу на помощь. Отец утверждает, что принц Уэльский любит ее. И если все пойдет как должно... Что ж, она еще раз попытается стать ему доброй женой. Это письмо, предназначенное другому, соединит ее с Эдуардом Ланкастером. Если он действительно хоть немного ее любит...

Девушка вздохнула. Как бы там ни было, слово свое она сдержала – письмо написано. Еще раз вздохнув, Анна поставила подпись и запечатала послание.

4. Секреты Деборы Шенли

Прошло несколько дней. В воскресенье двор собрался послушать мессу в соборе Святого Павла. По этому случаю Анна надела платье из пепельно-серого генуэзского бархата с небольшим заостренным декольте и накладным воротником, сплошь расшитым жемчугом. Платье было с высокой талией, и под грудью его стягивал широкий пояс, также весь унизанный рядами мерцающих молочно-белых жемчужин. Позади веерными складками расходился небольшой шлейф, рукава были двойными: нижние, узкие и длинные, доходили почти до пальцев, а верхние, выступающие из-под жемчужных опоясок над локтями, ниспадали почти до пола.

Девушка долго рассматривала себя в большом, оправленном в перламутр зеркале. «Я красива, – отметила она. – Но отчего же ни красота, ни богатство, ни власть не изгонят тоску из моей души?»

Она опустила на бархатный пуф и глубоко вздохнула. В покоях пахло духами и притираниями, а еще розовой эссенцией, которую добавляли в воду для купания. Запахи были густые, тяжелые, и от них голова шла кругом.

За спиной принцессы появилась высокая фигура ее камеристки Сьюзен Баттерфилд. Эта чрезмерно угодливая особа, походившая на овцу, была дальней родственницей Невилей.

– Ах, ваше высочество, вы просто восхитительны! Серый бархат придает вашим глазам изумительную яркость, они сверкают, как изумруды. Однако вы немного бледны. Не желаете ли наложить немного румян?

Сьюзен подала серебряную коробочку филигранной работы – подобие маленькой раки для мощей. Анна последовала ее совету и коснулась кисточкой щек. Ее лицо сразу ожило. Кто бы сейчас мог подумать, что эту юную женщину гложет тоска?

Неподалеку от принцессы на резной скамеечке сидела ее молоденькая фрейлина Бланш Уэд, перебирая струны лютни и напевая веселую французскую песенку графини де Диа³⁰:

Мне любовь дарит отраду,
Чтобы звонче пела я.
Я заботу и досаду
Прочь гоню, мои друзья!

Леди Бланш всегда пребывала в отличном расположении духа и не расставалась с лютней. Анне она нравилась, но суровая статс-дама Грейс Блаун считала ее непростительно легкомысленной и не раз выговаривала ей, так что Анне приходилось заступаться за свою любимицу, чей веселый голосок разгонял ее меланхолию.

Вот и сейчас, когда строгая статс-дама заворчала на бедняжку Бланш, требуя, чтобы та занялась ногтями принцессы, Анна остановила ее жестом и сказала:

– Дорогая леди Блаун, оставьте Бланш в покое. С этой обязанностью вы справляетесь намного лучше. А юная Уэд пусть напевает.

Девушка тут же ударила по струнам:

Злобный ропот ваш не стих,
Но глушить мой смелый стих –
Лишь напрасная затея:
О своей пою весне я!

³⁰ Куртуазная поэтесса конца XII века.

Тучная Грейс Блаун опустилась возле принцессы на складной стул и молча принялась полировать ее ногти. Рогатый головной убор статс-дамы подрагивал от усердия, но Анна знала, что эта женщина ненавидит ее и проявляет усердие лишь по долголетней привычке покоряться Ланкастерам. Да и эта овечка леди Сьюзен, что хлопочет сейчас за ее спиной и старается придать своему голосу медовую сладость, на самом деле властная особа, она жестока с младшей прислугой и мечтает лишь о том, чтобы приобрести как можно большее влияние при дворе.

– Ах, моя принцесса, какие у вас волосы! Этот каштановый отлив я замечала лишь у соболя. Густые, пышные и гладкие, словно грива породистой лошади!

Анна поморщилась. Это сравнение не слишком ей понравилось, хотя своими волосами она действительно гордилась.

В этот момент дверь распахнулась и появилась Дебора Шенли. Она шла настолько торопливо, что едва не оттолкнула дежурившего у дверей пажа. Это совсем не походило на всегда ровную, сдержанную баронессу.

Сьюзен Баттерфилд уперла руки в бока:

– Вы что, не в себе, милочка? Кто позволил вам столь бесцеремонно врывать в покои принцессы Уэльской?

Леди Дебора стояла, сцепив пальцы, и молчала. Лицо ее заливала бледность, а в глазах сверкало такое отчаяние, что Анна поняла: произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Оставьте нас наедине с баронессой! – приказала она.

Лютня Бланш Уэд смолкла, а леди Блаун рискнула напомнить, что если принцесса не поспешит, то может опоздать к мессе.

Анна оборвала ее:

– Пусть моими волосами займется баронесса Шенли. Всем известно, что она в этом большая мастерица и самые лучшие прически леди Бофор делает ей ее камер-фрейлина. Думаю, она не откажет в подобной услуге и мне.

Еще в ту пору, когда Анна только осваивалась в Вестминстере и знакомилась со двором, она была приятно удивлена, узнав в одной из придворных дам леди Маргариты Бофор вдову жестокого Мармадьюка Шенли. Анна загорелась желанием поближе познакомиться с ней, и вскоре камер-фрейлину леди Бофор можно было нередко видеть в обществе принцессы Уэльской. Они подружились, хотя баронесса и была поражена тем, как много знает о ее прошлом эта зеленоглазая принцесса, с которой прежде ей никогда не приходилось встречаться. Помня наставления отца, Анна ни о чем ей не говорила, но продолжала выпытывать у баронессы, как сложилась ее судьба после той ночи в Фарнеме.

В последний раз принцесса видела Дебору Шенли едва живой, когда ее, бесчувственную, уносили солдаты барона. Когда же несчастная женщина пришла в себя, то узнала, что стала вдовой. Поначалу ей трудно было управлять огромным поместьем и замком, гарнизон которого скорее напоминал разбойничью шайку. Однако едва она стала налаживать хозяйство, как на нее обрушились новые напасти. Леди Дебора была хороша собой, одинока, а главное, после смерти мужа показалась многим завидной партией. Потому-то, едва она оправилась от болезни, в Фарнем стали наезжать холостые сквайры, рыцари и вельможи, стремившиеся получить руку, сердце и владения молодой вдовы. Поначалу она принимала их, но вскоре, ссылаясь на то, что ее изувеченный покойным бароном духовник находится при смерти, стала отказывать им и в конце концов просто заперлась в замке. Однако от женихов не было отбоя.

После того, что ей пришлось пережить с Мармадьюком Шенли, леди Дебора приходила в ужас при одной только мысли о новом замужестве. Больше всего ей хотелось со временем уйти в один из монастырей, а поскольку она еще не решила, в какой именно, то вскоре

между близлежащими аббатствами и монастырями, также зарившимися на состояние молодой вдовы, вспыхнула настоящая распря и святые отцы принялись досаждать баронессе не меньше, чем женихи.

Именно в это время к власти вернулись Ланкастеры, и, пока в провинции царила полная неразбериха, некий сельский сквайр решил, воспользовавшись моментом, силой принудить Дебору Шенли стать его супругой. Что ж, если многие лорды вели себя как разбойники, то не было ничего необычного в том, что вчерашний воздыхатель собрал большой отряд и осадил замок Фарнем. Но не тут-то было. Хрупкая баронесса сумела оказать такой отпор и проявила такое мужество и доблесть, что завоевала искреннее уважение своих вассалов, которые готовы были стоять до последнего, даже когда после поражения сквайра замок был осажден другим, куда более могущественным феодалом.

В это тревожное время до леди Деборы дошел слух, что могущественная графиня Ричмонд, леди Маргарита Бофор, с сыном намерена проехать через Нортгемптоншир, и она написала ей, умоляя оказать поддержку и покровительство.

Маргариту Бофор тронуло письмо одинокой молодой женщины, и она выслала отряд на помощь баронессе, а затем пригласила ее к своему двору, сделав придворной дамой. Графиня нашла леди Дебору изящной и воспитанной и предпочла держать ее при себе. Однако все неожиданно усложнилось, когда ее пятнадцатилетний сын Генрих Тюдор внезапно стал проявлять к прелестной вдове уж слишком пристальное внимание.

Анна заметила это, едва прибыв в Вестминстер. Обычно замкнутый и скромный, Генрих Тюдор не отходил от леди Деборы, но она оставалась неизменно холодна с ним и всячески избегала его общества. Она была услужлива с его матерью, считая себя многим обязанной той, однако знаков внимания Генриха упорно старалась не видеть. Но чем дальше, тем настойчивее становился юный граф. Он подстерегал ее в пустынных переходах замка, задаривал непозволительно дорогими подарками, присылал петь под ее окна менестрелей. Маргарита Бофор благосклонно относилась к сердечной привязанности сына и даже намекнула, что баронессе стоит быть снисходительнее к чувствам юноши. Однако Дебора Шенли, всегда и во всем покорная своей патронессе, выказала необычное для нее упорство. К тому же она сама не на шутку увлеклась шталмейстером герцога Кларенса Кристофером Стэси.

Все это Анна узнала из бесед с леди Деборой. Она и не заметила, как привязалась к баронессе. Среди холодно-льстивых и лицемерных придворных у нее вдруг появилась подруга, такая же одинокая и замкнутая, как и она сама. Однажды, когда они остались наедине, Анна в упор спросила Дебору:

– Скажи, а как ты относишься к тому, кто убил твоего мужа?

– К Филипу Майсгрейву?

У Анны перехватило дыхание, и она отвела взгляд, опасаясь выдать свои чувства.

– Майсгрейв спас меня от смерти, – медленно проговорила вдова. – Он пришел на мой зов, когда никому до меня не было дела, и я в душе молюсь за него, как и за мальчика пажа, и за того воина, разорвавшего цепь, которой меня приковали к стене. И за несчастного старого слугу, которого убил мой супруг. Но если судьба сведет нас с Майсгрейвом, мне придется обойтись с ним как с убийцей, и я не подам ему руки.

Анна была возмущена.

– Клянусь задницей сатаны! – по-солдатски выругалась она, отчего благонравная баронесса испуганно перекрестилась. – Нет, вы только послушайте! Эта воспитанная в монастыре особа скоро год как носит траур по своему мучителю и палачу, а тому, кто ради нее рисковал жизнью, она, видите ли, не подаст руки! У вас странные представления о благородстве и справедливости, моя красавица.

– Но ведь барон был моим супругом перед Богом! Нас с ним соединили перед алтарем!

Анна в ярости сжала кулаки, а затем, схватив с аналая роскошно переплетенную Библию, вернулась к Деборе.

– Клади руку сюда! А теперь поклянись, что ты сожалеешь о том, что Майстрейв убил твоего мужа!

Леди Шенли отдернула руку так, словно медь и позолота переплета внезапно раскались, и Анна захохотала.

– Вот-вот, миледи, ваше благонравие суть лицемерие и ложь, и вы такая же притворщица, как и все здесь.

Дебора Шенли удалилась вся в слезах, но через день они уже помирились и баронесса признала, что была не права.

В этой молодой женщине Анну поражало противоречие между воспитанием и природной силой характера. Дебора с содроганием вспоминала супруга, но тем не менее регулярно заказывала поминальные мессы и носила траур. Она рассуждала о зависимости женщин от мужчин, но выдержала осаду в замке. Она нередко говорила о том, как признательна Маргарите Бофор, но всячески отвергала ухаживания ее сына. Выросшая сиротой и приученная к тому, что ее судьбой распоряжаются другие, она неожиданно проявила несокрушимую волю и недюжинную силу духа, зная, однако, что эти черты характера считаются недостатками женщины, которую Бог создал слабой. Но именно это и импонировало Анне в подруге. Она сознавала, что такая противоречивость духа роднит их, хотя ее собственная судьба не обошлась с ней так жестоко, как с баронессой, и она не испытала тех унижений и ужаса, которые надломили Дебору и вселили в нее робость. Тем не менее она была поражена, когда всегда скрытная Дебора решилась поведать ей о своем чувстве к шталмейстеру герцога Кларенса. Баронесса с облегчением вздохнула, убедившись, что Анна не осуждает ее за столь бурно вспыхнувшую страсть.

– Ты молода и красива, – говорила ей Анна. – Ты состоишь при одном из богатейших дворов Европы. Было бы просто противоестественно, если бы ты хранила верность умершему супругу, который к тому же был законченным негодяем.

Дебора Шенли скоро смирилась с тем, что принцесса с отвращением отзывается о бароне Шенли. Но вместе с тем она долго не могла решиться снять траур. Мнение большинства всегда сильнее, чем влияние подруги, даже если она принцесса Уэльская. Единственное, чего удалось добиться Анне, это убедить Дебору отказаться от плотно облегающего ее голову траурного чепца и непроницаемой черной вуали. Их сменили кокетливые кружевные накидки и муслиновые вуали. Однако Анна не без оснований подозревала, что это скорее заслуга молодого Кристофера Стэси, нежели ее...

И вот теперь леди Дебора стояла перед ней, ломая руки и едва сдерживая готовые хлынуть слезы.

– В чем дело, дорогая? – Анна протянула руки к баронессе.

В тот же миг Дебора бросилась к ногам принцессы и разрыдалась:

– Спасите меня, ваше высочество! Вы умны и благородны, и мне не на кого больше уповать!

– Помилуй Бог, Дебора, что тебя так испугало?

И баронесса поведала, что вчера вечером Генрих Тюдор спрятался в ее опочивальне и, когда она переодевалась ко сну, набросился на нее и хотел силой овладеть. Он и раньше подстерегал леди Дебору в темных углах или в нишах старинных окон, тискал, осыпал поцелуями, но ей всегда удавалось выскользнуть из его объятий.

– Я не понимаю, что на меня нашло, но меня вдруг захлестнула ярость. Я била его по голове и лицу, пока не заметила, что рассекла его бровь и по лбу Тюдора струится кровь.

Анна присвистнула:

– Ого! Представляю, что испытал этот обожающий собственную персону мальчишка!

Дебора обреченно кивнула:

– Да, он был очень зол и сказал, что не забудет до гроба эту ночь.

– А дальше?

– Он ушел, а затем все рассказал матери.

Анна передернула плечами:

– Уж эти мне маменькины сынки! И что же графиня?

– Сегодня с утра она была очень суха со мной, хотя и любезна. Затем отослала прочь всех дам и сказала мне почти с нежностью, что ее сын уже в том возрасте, когда его надлежит просветить в вопросах любви, и она была бы весьма признательна, если бы я, раз уж Генрих так благоволит ко мне, посвятила себя этому делу.

– Какова просьба! – возмутилась Анна.

– Ах, это вовсе не просьба, это приказ. Слышали бы вы, каким тоном все это было сказано! Я ведь близка к леди Бофор и знаю, на что графиня способна, невзирая на всю ее набожность и показное милосердие.

– И тогда ты бросилась ко мне? – с улыбкой спросила Анна.

Баронесса глядела ей в лицо своими большими серыми, как осенний туман, глазами.

– Куда же мне было идти?

Анна встала и прошлась по комнате. Легкие длинные рукава ее платья развевались.

– Клянусь всеблагим Небом, вы меня просто изумляете, баронесса Шенли. Разве вам не известно, что в знатных семьях время от времени ставят такие условия прислуге? Заметьте – только прислуге или кому-нибудь из захудалой родни, то есть тому, кто всецело зависит от своих покровителей. Но вы свободная женщина, а по чистоте и благородству происхождения не уступаете Бофорам или Тюдорам. Вы ничего не должны ни графине Ричмонд, ни ее отпрыску.

– О, моя патронесса так не считает. Она только и твердит о том, как много сделала для меня, в каком я перед нею долгу и что ее сын, в жилах которого течет королевская кровь, должен приобрести любовный опыт только в объятиях высокородной дамы.

– Что ж, тогда ступай и служи им! – выходя из себя, воскликнула Анна.

Дебора начала тихо всхлипывать, и Анна не выдержала:

– Послушай меня! Ты знатная дама, ты богата. Чего тебе опасаться? Пусть твой смуглый красавчик Кристофер поскорее объявит тебя своей невестой и таким образом возьмет под свою защиту.

– О, мы с ним даже ни разу не говорили об этом!

– Но ведь альбы и лэ³¹ он тебе уже пел! О эти мужчины! Сколько в них малодушия и вялости! Хорошо, отчего бы тогда тебе не отказаться от службы и не вернуться в Фарнем? Или ты опасаясь жить под одним кровом с полоумным Джозефом Шенли?

У баронессы от ужаса расширились глаза:

– Помилуй Бог, миледи! Откуда вам известно о брате моего мужа? Это семейная тайна, и несчастный Джозеф вот уже год обитает в одной из башен Фарнема.

Анна пожала плечами:

– По-моему, раньше барон не делал из этого тайны. Однако вы не ответили на мой вопрос. Если не страх перед Джозефом Шенли, то что, в конце концов, мешает вам оставить двор и вернуться в свои владения? Или вы опасаетесь снова стать яблоком раздора в Нортгемптоншире?

Дебора застенчиво улыбнулась:

– Нет. Просто мне очень не хочется покидать Лондон.

Анна догадалась:

³¹ Альбы и лэ – виды средневековой любовной поэзии.

– Ах да! Я едва не позабыла о нашем шталмейстере.

– Ваше высочество!

Щеки Деборы вспыхнули, но глаза ее сияли.

– Леди Анна, а не могли бы вы замолвить за меня словцо вашей сестре, герцогине Кларенс? Ведь тогда и я, и Кристофер служили бы одному дому, чаще виделись, и, быть может...

Дальше она не могла говорить и спрятала лицо в ладони. Видимо, ей стоило немалых усилий побороть застенчивость.

Анна вздохнула:

– Пожалуй, я так и сделаю. А теперь, – протянула она леди Деборе черепаховый гребень, – не причешешь ли ты меня?

Правду сказать, она хотела видеть Дебору подле себя, хотя это и могло обострить их отношения с обидчивой леди Бофор. Однако Анна в который уже раз убедилась, что ее дружба не в силах противостоять влечению молодой женщины к красавцу-шталмейстеру. От этого ей стало грустно. С уходом подруги в особняк Савой она останется при дворе без последнего близкого существа. Отец вот уже вторую неделю инспектирует гарнизоны, а может статься, что отправленное ею во Францию письмо возымеет действие и заставит приехать сюда Эдуарда Уэльского. Тогда ей и вовсе не с кем будет поговорить по душам.

Анна подняла глаза и увидела в зеркале позади себя баронессу. При их первой встрече в Фарнеме леди Шенли была крайне измождена от голода и жестокого обращения. Теперь же она просто расцвела. Ее формы обрели приятную округлость, кожа стала атласно-розовой. Нос хоть и был несколько длинноват, но правильной формы и тонок, каштановые брови мягко оттеняли глаза баронессы, кроткие и добрые, как у ангелов. Однако ее маленький яркий рот и твердый подбородок говорили о силе духа. У леди Шенли были светлые, почти белые волосы, но сейчас их полностью скрывал замысловатый головной убор из дорогих фламандских кружев, который плотно охватывал лицо, подчеркивая правильность его овала. Красивые руки баронессы, изящные и округлые одновременно, с ловкостью и грацией управлялись с волосами принцессы. Разделив их на две густые волны, Дебора уложила их полукружьями вокруг ушей Анны и покрыла сеткой, искусно сплетенной из серебряных нитей и жемчуга. Сверху прическу удерживал тонкий чеканный обруч, с него на середину лба свисала удивительной красоты каплевидная жемчужина.

– На вашем месте, принцесса, я нанесла бы еще серые тени на веки в тон платью. Это придает бархатистость глазам, а если в уголках сделать тени гуще, глаза будут казаться еще более выразительными.

Когда Дебора закончила, Анна не узнала себя. В ее внешности появилось нечто таинственное, а прическа подчеркивала горделивую посадку головы.

– Ты волшебница, Дебора! Неудивительно, что Маргарита Бофор кажется совершенством, выходя из твоих рук.

Баронесса только вздохнула. Анна поднялась, и Дебора накинула ей на плечи плащ из синего бархата с большим капюшоном, подбитый дымчато-серым каракулем.

– Я все решила, – сказала Анна, поворачиваясь к подруге. – Сейчас мы отправимся слушать мессу, а затем заедем в Савой. Как известно, моя сестра в положении и не посещает людных мест. Но, если я навещу ее и попрошу за тебя, думаю, Изабелла мне не откажет.

5. Сестры

Служба в соборе подходила к концу. Закончилось пение псалмов, отзвучали размеренно произносимые слова Евангелия. Епископ Невиль опустился в кресло под балдахин у главного алтаря, трижды благословил собравшихся, и священник кончиками пальцев поднял вверх облатку. Слышалось тихое потрескивание горящих свечей и рокот молящейся толпы. Над головами голубыми облаками плыл ладан.

Рядом с Анной горячо молился король. Он стоял на коленях, раскинув руки и подняв очи горе. Голос его звучал приглушенно, слова он проговаривал быстро, но с надрывом, что сбивало Анну, не давая углубиться в молитву. Оставалось лишь размышлять. Она развлекалась тем, что вспоминала недовольное и обескураженное выражение лица Маргариты Бофор, когда Дебора заявила, что оставляет службу у нее, растерянный взгляд Генриха Тюдора, когда баронесса гордо прошествовала мимо него и встала возле принцессы Уэльской. И еще Анна припомнила, как изумленно поглядела на нее герцогиня Йоркская, когда Анна неожиданно тепло приветствовала ее. Ведь до сих пор принцесса Уэльская едва удостоивалась взглядом Сесилию Йоркскую. Но после пояснений отца Анна совсем иначе отнеслась к герцогине, спасшей сына. И ныне, когда принцесса вошла в храм, у нее невольно сжалось сердце при взгляде на эту немолодую, но все еще прямую, как меч, леди, одиноко стоящую в боковом приделе. Герцогиня стала изгоем при дворе: ей оказывали положенные по рангу почести, но в остальном избегали. Неудивительно, что многие, как и сама герцогиня, опешили, когда юная принцесса Уэльская склонилась перед ней в глубоком реверансе.

Анна припомнила странный разговор, который состоялся перед службой между ней и маркизом Монтегю. С тех пор как он сделал ее на время узницей Уорвик-Кастла, она невзлюбила его, хотя и понимала, что в сложной политической ситуации вынуждена смириться с пленившим ее маркизом. Как-никак он был ее родным дядей, да и Уорвик нуждался в нем. И вот впервые с тех пор, как она в Англии, он преклонил перед ней колени и поцеловал руку, которую Анна поспешно отняла.

— Я провел эту неделю с вашим отцом, принцесса, и поразился, насколько он деятелен и бодр. Он сообщил мне, что именно вы убедили его отказаться от столь пагубного пристрастия.

— Мне кажется, отец излишне доверяет вам, дядюшка.

— Я заслужил это доверие, примкнув к нему первым.

— На вашем месте я не решилась бы с такой уверенностью это утверждать.

— Я оскорблен вашим недоверием, племянница. После того как я вновь признал власть Ланкастеров, мне остается только кровью доказать свою преданность Алой Розе.

— Такой предприимчивый человек, как вы, всегда найдет способ добиться своего. И я не настолько забывчива, чтобы вы могли убедить меня в обратном.

— Что ж, если вам так угодно считать, — устало заметил Монтегю, и на его скуле нервно дрогнул желвак. — Человеку свойственно ошибаться. Один Господь непогрешим.

Он поднялся.

— Тотчас после службы я отправляюсь в Ноттингем, к графу Уорвику. Нет ли надежды передать ему что-либо?

«Я не верю тебе ни на грош», — подумала девушка, глядя в его светло-зеленые, порысы прищуренные глаза, но вслух неожиданно сказала:

— Мы не смогли повидаться с отцом, когда он уезжал. Поэтому передайте, что наш с ним уговор остается в силе и свое обещание я исполнила.

Вспоминая все это, Анна задумчиво глядела вперед, на склоненного у главного алтаря собора священнослужителя. За ним, сквозь дымку ладана, тускло сверкали золоченные ковчеги с мощами святых. Рядом с ней король Генрих без устали твердил:

– Господи, Господи всемогущий! Целую раны твои!.. Раны кровоточащие... Помилуй, Господи, и оборони раба твоего, грешного и убогого!.. Скверна наша...

Голос его переходил в крик. Молящиеся позади стали перешептываться, и Анна подумала, что королю, пожалуй, пореже следует бывать в людных местах, хотя, возможно, именно это религиозное рвение и окружает его ореолом святости. Она вздохнула с облегчением, когда после звона колокольчика священника мощно и торжественно зазвучал орган и его величественные звуки умилили пыл короля.

Голос органа троился, множился и гремел, будто возносясь к самому небу. Арки собора подхватывали эхо, осыпая его грандиозными каскадами. Анна закрыла глаза. Ее всегда потрясали эти звуки. Казалось, люди не создали ничего, что более соответствовало бы ее представлению о Боге. Теперь и она молилась. О любви между людьми, о том, чтобы научиться быть терпеливой, не ожесточиться и суметь с достоинством принять все, что суждено Провидением. Еще она молилась о своих близких: об отце, муже, о покойной матери, о несчастном короле Генрихе, который так добр к ней, но столь немощен разумом, и конечно о Филипе...

Орган умолк. Анна открыла глаза и почувствовала, что щеки у нее мокрые.

– Дитя мое, ты плачешь?

Король Генрих подал ей руку, помогая подняться с колен. Он уже почти успокоился и вопросительно смотрел на нее своим светлым кротким взглядом. Анну всегда смущало его бесконечное благоволение к ней, хотя, с другой стороны, она побаивалась его. Принцесса ничего не могла с собой поделать – безумные и юродивые всегда вызывали у нее страх.

Рука об руку с королем они вышли на паперть собора. После полумрака главного нефа весенний свет ослепил Анну. Она зажмурилась и почувствовала, как в руку ткнулся холодный нос Соломона. Она часто брала пса с собой в город, и он терпеливо ожидал ее у дверей лавок, церквей и приютов, куда принцесса порой заходила, и лондонские зеваки, изумляясь, глазели на этого пятнистого гиганта с острыми ушами и разноцветными глазами, сидевшего неподвижно, словно изваяние.

Анна ласково потрепала загривок пса, король же принялся раздавать милостыню. Он швырнул в толпу горсть монет, что обычно вызывало давку и драку. Люди отталкивали друг друга локтями, сшибались лбами, женщины и дети, которых давили в толпе, неистово кричали.

Король же восклицал в экстазе:

– Радуйтесь, бедные! Господь милосерден к нуждающимся, он посылает еще, еще!

Он уже рвал с пальцев кольца. Уорвик, предвидя подобный оборот, обычно приставлял к королю пару дюжих молодцов, которые мягко, но настойчиво брали монарха под руки и усаживали в портшез. Но из-за плотно задернутых занавесок все еще слышалось:

– Король любит вас! Король молится о вас! Король всегда с вами!

На площади перед собором стражники древками копий разгоняли дерущихся.

Анна раздавала милостыню с разбором. Особенно жалела стариков. На лицах людей с возрастом отчетливо проступает характер, и несложно определить, каким был тот или иной человек в молодости: злым, желчным, хитрым или добрым и мягким. Но принцесса не делала здесь различий и опустошала кошель, щедро вкладывая милостыню в подставленные старческие руки. Человек вступает в этот мир с ангельским ликом, и не его вина, что жизнь гнет и корежит его по своему усмотрению.

Неожиданно Анна замерла и выпрямилась. Что-то заставило ее вздрогнуть. Скользящим взглядом она окинула площадь перед собором, готическое здание ратуши, живописные

дома горожан. Внизу у ее ног рассаживались в портшезы и конные носилки знатные прихожане, между ними сновали лоточники с товаром, нищие девчушки, совсем крохи, предлагали кавалерам купить для дам первые цветы. Все было обыденным, и все же Анна не могла понять, откуда взялось это внезапное волнение.

– Что с вами, ваше высочество? – раздался рядом мягкий голос Деборы.

Анна не ответила, но какое-то смутное чувстворосло в ней.

– Не знаю. Но я словно почувствовала... Что-то должно произойти. Что-то чудесное.

– Так всегда бывает весной, – мягко улыбнулась леди Шенли.

Анна глубоко вдохнула сладковатый теплый воздух.

– Да. Весна...

Она вдруг словно заново увидела это ясное солнце, бездонный голубой небосвод, услышала звонкий щебет воробьев. Повернувшись к своей свите, она сказала:

– Я намерена пройти пешком. Все свободны. С собой я возьму лишь баронессу Шенли и двух-трех стражников...

Она шла по узким улочкам Сити, удивляясь тому, что сделало за какую-то неделю с городом солнце. Куда девались серость, уныние, озабоченность? Казалось, весь Лондон высыпал на улицы. Булочники выставили свежие румяные хлеба на лотках. Суетливые мальчишки носились между просыхающих луж. Люди переговаривались и улыбались. Гомонили птицы, бренчали струны в тавернах, то и дело раздавались протяжные крики точильщиков и зазывал.

– Угля! Угля! Кому угля!

– Первые фиалки! Сэр, купите первые фиалки!

– Мощи святой Клары! Истинные мощи святой Клары!

– Печенье! Печенье с изюмом!

– Крупный чернослив! Сладкий чернослив!

Анна смеялась, глядя, как цирюльник с целыми ожерельями зубов на поясе огромными клещами рвет какому-то толстяку зуб и при этом распевает и уверяет собравшихся зевак, что бедняге вовсе не больно. Она купила букетик цветов и теперь вдыхала нежный аромат первых соков и влажной земли. Мимо прошла вереница слепых с поводырем, колотя о булыжники мостовой своими посохами и гнусавя жалобную молитву, и принцесса посторонилась, давая дорогу убогим. Шедшие впереди лучники раздвигали толпу, а перед принцессой все время трусил Соломон, то обнюхивая встречающих собак, то глухо рыча на них. Люди в страхе шарахались от него, а на принцессу и ее спутницу взирали с любопытством.

Они миновали торговый квартал Сити и внутренний Темпл, расположенный за городской стеной поблизости от Флит-стрит, и через Западные ворота вышли на Стренд. Здесь высился францисканский монастырь, у стен которого виднелись серые фигуры монахов, бойко торговавших церковным элем. Доходы от продажи монастырского эля предназначались на «добрые дела» или «на содержание храма». От реки поднимались прачки с плетеными корзинами белья на головах, весело перебрасываясь словами с молодыми послушниками. Стренд все еще оставался проселочной дорогой, хотя уже и величался громко улицей. Ближе к реке располагались богатые особняки, а напротив – дома зажиточных горожан, с шиферными кровлями, стрельчатыми дверными проемами и окнами, с лавками и складами в первых этажах и жилыми помещениями наверху. Дома стояли среди садов и огородов в окружении почти деревенских дворов.

Дворец Савой – резиденция герцога и герцогини Кларенс – сиял на солнце медной крышей с украшениями и позолотой, ослепляя белизной свежей каменной кладки. Заново

отстроенный дворец уступал по размеру и величественности своему предшественнику, сгоревшему во время восстания бедноты³², но был гораздо изящнее и удобнее.

Изабелла Невиль, услышав о прибытии сестры, вышла встретить ее в большом холле Савоя. Даже в домашней обстановке герцогиня Кларенс не позволяла себе одеваться просто, стремясь всегда и во всем подчеркивать свое высокое положение. Сейчас на ней было богатое платье из тяжелой миланской парчи, собранное под грудью в складки, чтобы скрыть беременность, на самом деле только подчеркивающее ее. Шлейф платья герцогини нес наряженный в экзотический наряд маленький забавный негритенок – любимая игрушка герцогини, – на котором она, впрочем, частенько срывала досаду. Негритенок испуганно поглядывал на свою госпожу круглыми, как пуговицы, глазами, она же шествовала, словно богиня, гордо неся голову в парчовой шапочке, которая имела вид широкого валика, облежавшего голову и очертаниями напоминавшего сердце.

В присутствии придворных и слуг сестры обменялись церемонными реверансами, и Анна, представив баронессу Шенли, поведала Изабелле о цели своего визита. Изабелла улыбнулась Деборе и сейчас же велела одной из придворных дам отвести для новой фрейлины комнату. Затем она ласково подхватила сестру под руку и увлекла в свои любимые покои в одной из башенок Савоя. Здесь они уселись в обложенные подушками кресла, а негритенок забился в угол за камином и застыл там в позе туземного божка.

– Прости, что Джордж не смог приветствовать тебя, – сказала герцогиня, когда они остались вдвоем. – Он вчера немного простыл, выпив холодного пива, и я обложила его грелками и перинами.

Сестры смеялись, но Анна подумала, что ее вполне устраивает такая ситуация, ибо Джордж обычно смущал ее своими дерзкими комплиментами и назойливым вниманием. Это заставляло Изабеллу нервничать.

Анна смотрела на сестру. Несмотря на все свое восхищение ею, она отметила, что та изменилась к худшему, черты лица утратили былую выразительность, а сухая кожа начала собираться вокруг глаз ранними морщинками. Но сами глаза – прекрасные, эмалево-голубые – были все такими же. Вместе с тем с годами на кротком лице Изабеллы проступила какая-то тень вечного недовольства, а в уголках губ залегли складки, придававшие герцогине брюзгливое выражение. «У нее самые роскошные волосы в Англии, – думала Анна. – Чистое золото, а она так усердно прячет их под головной убор и так высоко выбривает лоб – почти до темени! Эта мода – пятилетней давности, во Франции она воспринимается уже едва ли не как дурной вкус».

Анна попыталась высказать все это сестре, но та лишь отмахнулась с досадой:

– Пустое! Я хочу сказать о другом. Я не стала отчитывать тебя при слугах. – Голос Изабеллы стал строже. – Однако на правах старшей сестры отмечу, что бродить пешком по Лондону наследной принцессе никак не годится. Дева Мария! Что станут думать о тебе подданные, когда ты то и дело роняешь королевское достоинство, разгуливая, словно какая-то служанка, и заглядывая во все лавчонки?

Анна пожала плечами:

– Но ведь и отец делает то же, что не мешает ему оставаться великим коронатором.

– Но он не является наследником престола!

– Нет. Но он выше – он Делатель Королей!

Изабелла откинулась в кресле.

– С тобой всегда было трудно, Нэн. Я думала, когда ты повзрослеешь и поумнееешь, это пройдет.

– Ты хочешь сказать, что я глупа как гусыня? – подняла бровь Анна.

³² Имеется в виду восстание 1381 года под предводительством Уота Тайлера.

– Упаси бог! Я не осмелилась бы сказать такое члену королевской семьи.

– Но ведь подумала же, – засмеялась Анна и, видя, как растерялась сестра, подошла и обняла ее. – Не стоит, Изабель. Мы не виделись почти неделю, и я пришла, потому что соскучилась. Ты знаешь, что для меня ты всегда самая совершенная леди, и я всему учусь у тебя.

Изабелла смягчилась, ласково погладила сестру по щеке и спросила:

– Ты была на мессе в соборе?

– Да. И знаешь, я беседовала с твоей свекровью, герцогиней Йоркской.

– Бр-р... Что заставило тебя заговорить с этой старой шлюхой?

У Анны округлились глаза:

– Бог с тобой, Изабель! Ты ведь всегда звала ее матушкой, вы души не чаяли друг в друге!

– Могла ли я предполагать, что она сотворит такое!.. Силы небесные! Так опозорить всю семью!

– Насчет семьи это спорно, – задумчиво сказала Анна, – но, кажется, то, что Эдуард объявлен незаконнорожденным, вас с Джорджем должно только радовать. Вы должны быть признательны герцогине, ведь теперь вы стали не только первыми в семье, но и первыми после Ланкастеров, имеющими права на трон.

Изабелла несколько минут ничего не могла ответить.

– Помилосердствуй, сестра, – пробормотала она наконец. – Мне это и в голову не приходило... Ради всего святого, не вини меня ни в чем. Ты наследная принцесса, а я...

Анна даже растерялась от того, как поразили и испугали сестру ее слова.

– Я и не помышляла о престоле, – твердила Изабелла. – У власти Ланкастеры, а мы всего лишь боковая ветвь Плантагенетов, все, на что может рассчитывать Джордж, – это по праву законного наследника получить титул и владения своего отца.

В дверь неожиданно постучали. Вошла румяная матрона с добрым простодушным лицом, ведя за руку маленькую дочь Изабеллы, прехорошенькую девочку лет двух. Анна сразу же занялась ею, и герцогиня облегченно вздохнула.

– Малютка хочет к тетушке, – сказала нянька девочки, и Анна подхватила ребенка на руки.

– Моя маленькая Маргарет, мой ангелок, – говорила она, кружа малютку. – У нас папины кудряшки, а глаза мамыны – чистые незабудки!

Она повалилась вместе с девочкой на огромную медвежью шкуру перед камином и принялась ее щекотать, дуть за воротник, перекачивать с боку на бок, так что Маргарет заливалась хохотом и дрыгала ножками, путаясь в непомерно длинном шлейфе. Кружевной чепчик девочки съехал набок, придавая ребенку такой задорный вид, что Анна и сама расхохоталась. Над ними стояла нянька девочки, смеясь громко и заразительно, так что ее румяное лицо побагровело, а огромный живот колыхался. В дверь с улыбкой заглядывали горничные и придворные дамы, даже паж-негритенок выбрался из своего угла и обнажил в улыбке крохотные жемчужно-белые зубки.

Одна Изабелла сидела прямо. В лице ее не было ни кровинки.

– Довольно! – вдруг резко воскликнула она.

Ее возглас был словно ушат ледяной воды. Толпившиеся в дверях мигом исчезли, негритенок юркнул за камин, а Маргарет вздрогнула и вцепилась в Анну. Нянька трубно высморкалась и сказала:

– Я сейчас уведу ребенка, миледи.

– Постой!

Изабелла встала, и Анна подумала, что давно не видела сестру в таком гневе.

– Кто позволил тебе, Анкаретта, входить ко мне без зова, когда я принимаю принцессу Уэльскую?

Толстуха пожала плечами:

– Маргарет просилась к тетушке.

Анна заметила, что нянька девочки вовсе не боится своей строгой госпожи.

– Если в следующий раз это повторится – я лишу тебя службы и отправлю обратно в деревню.

Маленькая Маргарет неожиданно расплакалась.

– Вы напугали ребенка, миледи, – сурово заметила Анкаретта.

Тогда Изабелла смягчилась, поманила к себе пальцем дочь и, когда девочка подошла, легко коснулась губами ее лба.

– Вы видите, что разгневали матушку, Маргарет? Анкаретта, сегодня лиши младшую герцогиню сладкого. Вы наказаны.

– Но ведь она еще совсем крошка! – воскликнула Анна.

– Детей надо с младенчества держать в строгости, – наставительно сказала Изабелла.

Когда дверь захлопнулась, герцогиня повернулась к сестре:

– Считаю, что и тебе не следует забываться, Анна. Что думает прислуга, видя принцессу ползающей на четвереньках? Тебе должно быть стыдно, дорогая!

Анна вздохнула и, подойдя к окну, распахнула его. Забранное ажурной решеткой, оно выходило на мощный плоскими плитками двор, где журчал фонтан, ворковали голуби, а вдоль стен тянулись изящные, на итальянский манер, белые аркады. Ее охватила тихая грусть. Она чувствовала, что с каждой встречей все больше разочаровывается в сестре.

Ребенком она боготворила ее, а теперь все чаще стала замечать, что Изабелла порой бывает раздражительной и спесивой, что она любит подолгу толковать о христианском смирении и умерщвлении плоти, сама же и у себя дома наряжается так, будто готова в любую минуту отправиться ко двору. Сестра словно броней пытается защититься высокомерием, в котором есть единственная, но весьма существенная брешь – ее слепая, по-собачьи преданная любовь к супругу. Анна старалась не думать об этом, но все чаще замечала, что надменная и сухая со всеми, даже с отцом, Изабелла становится суетливой и беспомощной, едва на нее взглянет Джордж. Анна стремилась хоть в этом понять сестру, ведь ей самой пришлось испытать, что делает с женщиной любовь. Не ей судить Изабеллу. Она вспомнила Бордо, вспомнила, сколько безумств сотворила тогда, как упивалась она страстью к Филипу... Анна улыбнулась воспоминаниям и прикрыла глаза.

– О чем ты думаешь, Нэн? – раздался рядом голос Изабеллы.

Анна поймала ее строгий, требовательный взгляд.

– Так, вздор. Тебе, кстати, не кажется, что пора обедать?

Сестра позвонила в колокольчик.

– Сегодня нам подадут нечто такое, что ты очень любишь, – улыбаясь, сказала она. – Сейчас же велю накрыть в большом зале.

– О, не стоит, Изабель! Давай пообедаем вдвоем, без кравчих и стольников, как когда-то в детстве, когда ты брала меня к себе и мы беспечно болтали за столом. Признаюсь тебе, я ужасно устала от этикета, от толпы придворных, следящих за каждым проглоченным тобою куском, от этой заунывной, нескончаемой музыки на хорах...

Она увидела широко открытые, изумленные глаза сестры – та порывалась что-то сказать – и поняла, что опять в чем-то не угодила Изабелле. Нет, они решительно перестали понимать друг друга, хотя, возможно, сестра и права и ей пора перестать быть дикаркой и стать именно такой, какой хотят видеть ее окружающие.

По-видимому, на лице Анны отразилась такая досада, что герцогиня решила уступить и велела подать приборы в свои покои.

Через несколько минут стол был накрыт камчатой скатертью, к нему придвинули удобные кресла и целая вереница слуг в двухцветных ливреях сервировала обед. Анна знала, что роскошная посуда была слабостью Изабеллы. И сейчас герцогиня не преминула выставить новые приобретения, и Анна вполне искренне восхищалась то солонкой из халцедона, края которой были украшены жемчугом, то чашами, вырезанными из скорлупы кокосовых орехов с ажурной резьбой на крышечках, то серебряным кувшином с ручкой в виде извивающейся змеи с агатовыми глазами. Слушая похвалы, Изабелла раздумялась и, отослав слуг, принялась потчевать сестру. Они обсуждали блюда, тут же припоминая знакомых и их причуды, смеялись, обменивались остротами.

Неожиданно Анна заметила выглядывающего из-за камина чернокожего пажа. Глаза его следили за каждым жестом дам, ноздри раздувались. Анна указала на него сестре:

– Смотри! Бедняжка голоден. Беги сюда, малыш.

И, прежде чем Изабелла успела остановить принцессу, та отрезала и протянула пажу добрый кусок пирога. Негритенок схватил его и проглотил с такой жадностью, что Анна только диву далась:

– Дева Мария! Он словно волчонок!

Она хотела отрезать еще кусок, но Изабелла остановила ее.

– Не знаю, как обстоит дело в Вестминстере, но в Савое слуги получают пищу в определенное время и в определенном месте. Он не домашнее животное, и Чак знает, что нарушил правила, схватив пирог.

Анна растерянно взглянула на выступ камина, за которым скрылся бедняга Чак. А Изабелла, изящно держа мизинец на отлете, поднесла к губам устрицу и сказала:

– Это маленькое исчадие ада всегда голодно. А за то, что он ослушался, его ждет наказание.

Она произнесла это так, что Анна невольно поежилась.

– Изабель, не будь так строга. Если кто здесь и заслуживает взыскания, так это я, ибо, не зная порядков твоего дома, сунула ему подачку со стола.

Изабелла проглотила моллюска и, не глядя на сестру, сказала:

– Порой я слышу от вас странные вещи, ваше высочество. Вы вольны поступать, как вам вздумается. Я не трону Чака, хотя выговор за попрошайничество он все же получит. И оставим это, дорогая. Чак вовсе не стоит того, чтобы мы ссорились из-за него. Взгляни-ка лучше, какой сюрприз я для тебя приберегла!

Она подняла серебряную крышку на одном из блюд, и Анна невольно заулыбалась:

– Краб! Какой огромный!

– Я знаю, как ты любишь этих чудовищ, и велела приготовить его с соленым маслом, имбирем и душистыми травами.

Анна без промедления придвинула блюдо к себе и, разделив краба пополам, взялась за нож.

– Я научу тебя, как надо их есть. Делай как я, и нож держи вот так. Меня научила одна старая рыбачка из гиенских ланд. Надо есть, не оставляя ничего, кроме скорлупы. У краба все вкусно, и его мясо имеет привкус моря.

Она ела, не глядя на сестру. Нож мелькал в ее руках. Изабелла не поспевала за Анной. Порой она как-то странно взглядывала на принцессу, но та не замечала этого, всецело занятая крабом и своими мыслями.

Разделавшись со своей половиной, принцесса осталась сидеть молча, медленно чертя кончиком ножа по скатерти. Взгляд ее стал отсутствующим, она чему-то улыбалась.

Изабелла управилась со своей половиной краба и ополоснула кончики пальцев в чаше с ароматизированной водой.

– О какой рыбачке из ланд ты только что упомянула?

Анна взглянула на сестру, словно отходя от своих мыслей.

– А? Да пустое. Случайная встреча, когда добиралась к отцу.

– Это та, у которой ты нашла пристанище, пока болела?

– Когда это я успела тебе столько порассказать?

– Да уж успела. Ты жила там со своим провожатым. С этим йоркистом Филипом Майсгрейвом.

Анна едва заметно кивнула и снова погрузилась в себя.

Изабелла не сводила испытующего взгляда с лица младшей сестры. Сколько раз она уже бывала свидетельницей такого отрешенного состояния Анны. Где, среди каких прозрачных видений витает эта странная принцесса? Что с ней происходит? Какие тайны хранит этот зеркальный взгляд, что означают набегающие на ее лицо тени, выражающие то радость, то замешательство, то безысходную скорбь? В такие минуты Анна теряет контроль над собой, а Изабелла всегда старается докопаться до истины, уяснить наконец, что же таит в своей душе эта на вид простодушная, живая девушка. Вот и сейчас. Крабы, запах моря, какая-то рыбачка, йоркист...

– Нэнси! – окликнула она сестру.

Та даже не пошевелилась. Она сейчас находилась где-то далеко, во Франции, в Гиени. Ее глаза то светлели, то темнели.

– Нэн, сестрица, ты слышишь меня?

Слова Изабеллы прозвучали мягко и участливо. Она положила руку на плечо сестры, и та вздрогнула, словно лишь сейчас заметив, что она не одна.

– Что с тобой происходит, дитя?

Голос герцогини был полон заботы. Она села рядом и взяла руки сестры в свои. У Изабеллы были добрые светлые глаза, затененные длинными золотистыми ресницами.

– Нэн, девочка, что тебя гложет? Я ведь вижу, что с тобой что-то происходит. Ты несчастлива?

Анна хотела уйти от ответа.

– Несчастлива? Много ли ты видела на своем веку счастливых людей?

– Не хочешь – не говори. Только помни, что хоть я иногда и ворчу на взбалмошную Нэн, все же она дорога мне как никто.

Изабелла знала, что ее младшая сестра беззащитна перед добротой. Она может быть упрямой, капризной, вздорной, но когда с ней добры – неизменно уступает. Так вышло и сейчас. Плечи Анны вдруг поникли, на глаза навернулись слезы.

– О Изабель...

Она приникла к сестре, и та стала гладить ее по голове, по плечам, шептать ласковые слова утешения. Казалось, что Анна сейчас заплачет. Но вместо этого она выпрямилась, словно развернулась пружина.

– Я расскажу тебе... Мне это необходимо. Отец тоже хотел, чтобы я была с ним искренней, но ему этого не понять... А ты женщина, и ты так любишь Джорджа! У нас с тобой одна кровь...

Герцогиня боялась перевести дыхание. Если сейчас спугнуть Анну – она замкнется и ей уже никогда не проникнуть в ее тайну.

Анна глядела куда-то в сторону. Снова этот отрешенный взгляд, который так интриговал Изабеллу. И Анна поведала ей все: и как сбежала от Йорков и нашла прибежище у дядюшки епископа, и как тот решил отправить ее к отцу, избрав в попутчики тайного посланца короля Эдуарда Филипа Майсгрейва...

– От этого рыцаря исходила какая-то сила, я это сразу почувствовала, и он был так красив! И еще он погладил меня по щеке – очень нежно... Его рука была твердой рукой воина, а в этом жесте таилась необыкновенная ласка...

Изабелла уже догадывалась, о чем пойдет речь дальше, но пыталась разуверить себя. Ее сестра, конечно, всегда была простодушна, но не до такой же степени, чтобы потерять голову от первого же мужчины, который встретился на ее пути. Подумать только, и после этого ей посчастливилось стать наследницей трона!

Нет, этому лягушонку всегда неслыханно везло. В детстве ей сходили с рук любые выходки, она была любимицей отца, даже у челяди только и было разговору, что об Анне, хотя в ту пору она была всего лишь безмозглой дурнушкой, а она, Изабелла, слыла красавицей и леди большого ума. Теперь же младшая сестра снова опередила ее: Нэн – принцесса Уэльская и так очаровательна, что даже Джордж беспрестанно твердит о ней. И вот такое падение! Изабелла с затаенным злорадством внимала истории любви Анны, радуясь, что та не может в эту минуту видеть ее лица, ибо герцогине стоило огромных усилий сдерживать себя и не выдать своих истинных чувств. Что она говорит, Господь все милостивый?!

– Я так хотела его, что порой ощущала физическую боль. Меня никогда не учили тому, что таит в себе любовь, сколько радостных ощущений она дает. Малейшее прикосновение Филипа, взгляд, случайное слово, жест – все сводило меня с ума. Беспрестанно быть рядом с ним, зависеть от него и сдерживать себя... Я чувствовала, что слабею, и понимала, что и он замечает это, но уже ничего не боялась...

Их первый поцелуй во время шторма, когда она решила, что они погибнут... Затем ее обида, а потом – ночь в Бордо... Воспоминания об ослепительном счастье захлестнули Анну, и ее глаза засияли. Не было уже ни покоев герцогини Кларенс, ни Лондона, ничего... Был лишь ее рыцарь, его сильные ласковые руки, поцелуи, теплые, бессвязные слова любви, от которых исчезал весь мир... Лицо ее освещалось блаженством, ресницы дрожали...

– Замолчи! – вдруг взвизгнула Изабелла. – Замолчи немедленно!

Анна очнулась. На нее словно дохнуло холодом, и в ту же секунду она поняла, что натворила. Девушка испуганно вцепилась в резные ручки кресла.

Изабелла металась по комнате, словно зверь в клетке.

– О, какой стыд! – восклицала она, заламывая руки. – И это моя единоутробная сестра! Какой невыносимый позор!

– Если бы ты ничего не выпытывала, все это так и осталось бы во мне, – почти беззвучно прошептала Анна.

Изабелла зацепила шлейфом и опрокинула стул. Звук его падения немного остудил ее пыл. Она несколько раз осенила себя крестным знаменем и подошла к сестре.

– Мне не следовало слушать тебя!

– Зачем же ты слушала?... Могла бы прервать в самом начале.

– Но разве я могла подумать!.. Я решила, что тебе надо чем-то поделиться, испросить совета, поведать о своих заботах.

– Но ведь так и есть, Изабель!

Герцогиня всплеснула руками:

– Силы небесные! Видела бы ты себя! Ты сияла, как ангел во время молитвы, ты просто упивалась своим позором! А ведь все сие суть блуд – из числа тягчайших грехов...

– Вольно же тебе так говорить!.. Тебе, которую отец выдал по любви за того, на кого ты указала. А каково приходится мне?

– Чем же не угодил тебе твой супруг? Молод, красив, любит тебя безумно.

– Но он не Майсгрейв.

– Замолчи! Замолчи!

Изабелла затопала ногами и зажала ладонями уши.

– Никогда, слышишь, никогда больше не произноси при мне имени этого низкого негодяя.

Анна поднялась и подхватила с ларя свой плащ.

– Видимо, мне следует уйти. Ты в положении, а я разволновала тебя. Успокойся, ты больше не увидишь меня. По крайней мере, без особой на то нужды мы не встретимся.

Изабелла вдруг растерялась. Пусть Анна и по уши в несмываемом грехе, но она остается принцессой Уэльской. И, видит бог, это удача, что ей удалось раскрыть тайну сестры. Играя на ее нечистой совести, она могла бы подчинить себе Анну. Другое дело, что эта неразумная особа бесконечно упряма и не только не считает случившееся с ней чем-то предосудительным, но и просто упивается своим падением. Что ж, следует попробовать убедить ее в обратном.

– Нэн, погоди минуту. Присядь.

На какое-то время в комнате повисла тишина.

– Прими мои извинения, Анна.

Девушка недоуменно смотрела на сестру.

– Да-да, прости меня. Я не должна была тебя поносить, но пойми и ты меня. Все это... более чем неожиданно. Кстати, кто твой исповедник? – вдруг спросила она.

Вопрос застал Анну врасплох. Она исповедовалась довольно редко – то у настоятеля Вестминстерского аббатства, то у викария церкви Святой Бриджит, то у епископа Невилля. Но своей тайны не выдала никому, поскольку ни родной дядя, ни тем более чужие люди не вызывали у нее полного доверия.

Молчание затянулось. Наконец Анна ответила, что у нее трое исповедников.

– Вот видишь, – мягко заметила герцогиня. – У тебя нет собственного духовника. Одно это говорит о том, что ты не была откровенна и уже давно не знаешь покаяния. Грех, носимый в душе, – страшная вещь.

Анна не нашлась, что ответить, а Изабелла продолжала:

– Ты совершила прелюбодеяние, ты не раскаялась – и теперь сама убедилась, что не находишь себе места. Горько смириться с тем, что моя сестра – блудница, но еще горше сознавать, что она глубоко несчастна и в ссоре с Богом. Ведь я расспрашивала тебя неспроста. Ты рассказала мне обо всем, а теперь ступай исповедуйся – и увидишь, как станет легко. Все пойдет по-другому...

– Изабель, но ведь я...

– Ты хочешь меня уверить, что готова продолжать жить с такой тайной на душе?

– Но ведь именно моя тайна и давала мне силы!

– Ах, оставь... Поверь, если бы ты сразу покаялась и очистила душу, все это давно отошло бы в прошлое, мир и благодать снизошли бы на тебя, а смута и тоска развеялись бы как наваждение.

– Но ведь это любовь!

– Это блуд, а не любовь. Любовь двоих освящается узами брака, она несет радость материнства. Ты же тоскуешь по объятиям и ласкам своего рыцаря, что само по себе грешно...

– Нет, Изабель. Мне было бы довольно знать, что он жив, здоров и весел. Уверяю тебя, этого достаточно.

– Не уговаривай себя. Я отлично вижу, как ты измучена, как мечешься, не находя себе места. Ты покинула супруга, потому что не раскаялась в содеянном. Достаточно было бы твоего желания, чтобы у вас с принцем все пошло на лад. Как говорится, *similia similibis curantur*³³. Наш отец выбрал тебе красивого, родовитого и любящего супруга, и если бы ты старалась, то стала бы счастливой.

Герцогиня сидела в высоком кресле напротив сестры, горделиво выпрямившись и расправив широкие складки парчового платья. Ее слова звучали уверенно и властно, и она

³³ Подобное лечат подобным (*лат.*).

видела, как все ниже склоняется голова Анны. Это словно придало речи Изабеллы еще больше жара и убедительности.

– Я хочу также, моя дорогая, чтобы ты хоть на миг забыла о себе и подумала о величии своего рода, о своем нынешнем положении. Ты не простая крестьянская девчонка, которая бездумно предается животной похоти. Ты принцесса! Ты выше прочих смертных. И я была бы плохой сестрой, если бы не напомнила тебе о том, что члены королевской семьи должны питать к себе уважение. Ты поднялась на вершину, и все остальное должно отступить. Принцесса Уэльская обязана жить интересами королевства, находя в этом удовлетворение и покой. Что значит рядом с этим какой-то мелкий вассал, которому, кстати, дала отставку Лизи Вудвиль, чтобы самой стать на время королевой? Думаю, моя сестра не глупее этой захудалой дворяночки и достойна того удела, который ей выпал!

Руки Анны бессильно перебирали рельеф подлокотников кресла. Голова поникла, по щеке скатилась одинокая слеза.

– Видимо, ты права, Изабелла, и я лишь попусту извожу себя. Ты говоришь то же, что и отец. Выходит, я слишком глупа, если думала иначе.

– Нет, дитя, нет, Анна, – ласково сказала герцогиня. – Просто ты надолго оторвалась от семьи и совсем запуталась. Обещай мне, нет, поклянись, что забудешь этого человека, что снова обретешь чистоту и благоразумие, станешь образцом для всех дам Англии!

Эти последние слова окончательно сломили Анну. Тяжесть долга угнетала ее. «Это ошибка, что я оказалась принцессой. Эта ноша не для меня». Внезапно она вспомнила пощечину отца. «Так или иначе, но он хочет того же, что и Изабелла».

Она выпрямилась и проговорила внезапно севшим голосом:

– Видит бог, сестра, ты права. И я сделаю все, чтобы забыть Филипа Майсгрейва. Я исповедуюсь и не стану больше мечтать о встрече с ним. Возможно, все это было зря с самого начала... Какого бы ты ни была мнения об этом человеке, он сказал мне то же, что и ты. Я действительно запуталась. Надеюсь, мне все-таки удастся стать любящей и верной супругой Эдуарду Ланкастеру.

Изабелла наклонилась и коснулась губами лба сестры.

– Да будет Господь милостив к тебе. – Она улыбнулась. – Я велю прибрать здесь, и мы сыграем в шахматы. Думаю, тебе стоит заночевать в Савое. Я не хочу оставлять тебя сегодня одну. Сатана на мягких лапах кружит близ души моей принцессы.

Она вновь была ласкова и любезна, но Анна чувствовала себя раздавленной и несчастной. Больше всего ей сейчас хотелось выплакаться. Она своими руками разрушила надежду, которая поддерживала ее все это время.

В покоях Изабеллы суетились слуги, унося столовые приборы. Вместо них появился шахматный столик с замысловато перекрещенными ножками и разделенной на поля столешницей из слоновой кости и черного дерева. Вырезанные из горного хрусталя и драгоценного черного коралла фигуры были до смешного точны в деталях – все эти короли, королевы, рыцари, лучники и прочие.

Когда сестры остались наедине, Анна послушно приняла предложенную партию. Изабелла рассчитывала, что игра хоть немного отвлечет сестру. Она твердо решила исполнить свой долг, убедив Анну в противоестественности ее чувства к Филипу Майсгрейву и приведя к послушанию. Если это удастся, то при малейших признаках своеволия Анны можно будет заставить ее действовать по-своему, пугая призраком прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.